

СТЕЙСИ КРОУ

ЕДИНСТВЕННАЯ,
КОГО НЕ
ВЫБРАЛИ

Стейси Кроу

Единственная, кого не выбрали

<https://litres.ru/74208048>

Аннотация

ЗДЕСЬ БУДЕТ ЖАРКО

Я мыла полы в соседнем коридоре, пока в королевстве Лоск был Отбор невест. Но когда избранница принца сбежала прямо перед свадьбой, я случайно оказалась у него под ногами. В прямом смысле! Я драила пол у его покоев. Ну кто же сыграет роль невесты лучше, чем неприметная полойка? Правда, никто не предупредил, что для этого придётся запачкать руки не только тряпкой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	18
Принц и... нищенка???	25
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	53
Глава 10	60
Глава 11	66
Глава 12	72
Глава 13	78
Глава 14	83
Глава 15	89
Глава 16	94
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Глава 1

Прах

— Эй, дрянь. Ты куда смотришь? Плохо помыто. Тебя заставить перемывать?

Звонкая пощечина обожгла щеку, бросив искры в темноту перед глазами. Я замерла, стиснув в руке холодную, мокрую тряпку. До жути боялась гнева хозяйки. Во дворце шептались, что она однажды топила служанку в ушате головой под воду, держала, пока та не обмякла. Бедняжка выжила, но с тех пор ходила, словно призрак, безмолвный и дрожащий. Я была даже не служанкой, не чьей-то прислугой. Я была помойкой, и то по ночам. Хозяйка говорила, что днём такую, как я, и видеть-то неприлично. Ничтожество, метущееся под ногами у настоящих людей.

Глаза тут же уткнулись в каменную плиту под коленями, в серый след от воды, который она сочла недостаточно вытертым. Быстро закивала. Да, да, перемою. Всё перемою. Просто не бейте больше.

Хозяйка, удовлетворившись моей покорностью, фыркнула. Её тяжелые юбки зашуршали по только что вымытому полу, оставляя новые, невидимые для неё следы, и звук её шагов растворился в темноте коридора. Я выдохнула, воздух снова вошел в сплюснутые страхом легкие.

Всё как всегда.

Каждую ночь мы, несколько теней в грубых холщовых платьях, драили эти бесконечные коридоры, залы, галереи. Драили до слепящего блеска, чтобы к утру королевская семья и придворные, ступая по сияющему камню, даже мысли не потратили на его чистоту. Это было для них должным, как восход солнца. Как воздух. Они рождались в этом блеске. Я же родилась в пыли у замковой стены. И меня с сестрой, Лорой, подброшенных туда, королева милостиво приказала взять на службу. Воспитать в благодарности. Наше предназначение служить и быть невидимыми.

— Сильно она тебя?

Тихий голос заставил вздрогнуть. Лора опустилась рядом на корточки, её палец осторожно коснулся пылающей щеки. Её прикосновение было единственным, что в этом мире не несло ни боли, ни угрозы.

— Да ничего, — прошептала я, снова вода тряпкой по полу, уже безупречному. — Знаешь же, она сегодня ещё в хорошем настроении была. Могла и плетью огреть.

— Но всё же, — Лора покачала головой, и в её глазах, таких же серых, как вода в нашем ведре, плескалась знакомая тревога. — Эллис, я ужасно переживаю. Ты такая маленькая и хилая. Боюсь, что однажды от её удара ты просто не поднимешься.

Я коротко усмехнулась.

— Я крепче, чем выгляжу. Не забывай, кто таскал ведра с водой, когда ты потянула руку. Давай домоем здесь. Запад-

ное крыло огромное, а до рассвета... — я бросила взгляд в высокое стрельчатое окно, за которым царила густая, бархатная тьма. — Чуть меньше двух часов. Давай работать.

Мы двигались в унисон, годами выверенным жестом выжимали тряпки, терли, отступали, проверяли. Пол здесь был нашим миром. Его трещины мы знали лучше, чем линии на своих ладонях. Где скапливается вода, где камень стерт и моется легче, а где нужно приложить силу.

Жизнь моя умещалась в простой круг: лечь на рассвете на узкую койку в общей, пропахшей мыльной щелочью комнате; проснуться с сумерками; получить паек состоящий из краюхи хлеба, куска соленой буженины и кружки молока, а затем идти на смену. Хлеб иногда был свежим. Это была высшая награда. Лора говорила: «У нас есть кров и еда, Эллис. За стенами люди выживают. А мы... мы существуем. Это уже много».

Она была моей семьей. Единственной. Другие поломойки, такие же изможденные тени, редко разговаривали. Служанки, те, что работали днем в покоях знати, смотрели на нас свысока. У них было жалование. Их иногда видели. Они помогали господам одеваться, наливали вино герцогам. У них была надежда. У меня пока только мечта, когда-нибудь стать одной из них. Хозяйка говорила, рассмотрит мою кандидатуру, когда мне стукнет двадцать. Мне было восемнадцать. Два года для меня как целая вечность, которую предстояло отмерить вот этим движением тряпки по камню.

Всё, чего я хотела, уместалось в три пункта: сытый живот, теплая кровать, особенно когда зимой в нашей конуре дуло так, что иней выступал на стенах, и чтобы Лору не трогали. И ещё, самая сокровенная, постыдная мечта: однажды утром не спрятать глаза, а посмотреть в лицо тому, кто идет по этому полу. Не с выжиданием удара, а просто... посмотреть. Узнать, какого цвета эти глаза, которые никогда не опускаются так низко, чтобы увидеть моё лицо.

Дорогие читатели, добро пожаловать в мою новую книгу!

Визуал Эллис Прилагаю! Приятного чтения))

Глава 2

Прах

Мы уже почти закончили с галереей, когда до нас донесся шум. Не ночной скрежет камня или шорох крыс. Живой гул множества голосов, смех, звон бокалов. Свет факелов прыгал по стенам дальнего коридора, ведущего к покоям принца. Сегодня был его последний пир перед... Я напрягла память, выживая из обрывков услышанного. Ах, да. Отбор. Выбор невесты. Важное событие, о котором судачили все служанки. Принц Каэл должен был выбрать свою единственную. Тайнство, о котором мы, поломойки, знали лишь то, что после него придется отмывать Большой зал от пролитого вина и растоптанных канапе.

Шум нарастал. Вот уже слышны были отдельные голоса, пьяные возгласы. Потом громкий, властный, молодой голос, перекрывающий остальных:

— Довольно! Всем благодарность, всем покой! Завтра новый день!

И смех, и согласные крики, и звук расходящейся толпы.

Мы прижались к стене, стараясь стать частью гобелена, частью тени. Через наш коридор, короткий путь к служебным лестницам, могли пойти гости. Лора схватила моё запястье, и мы сжались будто мышки, стараясь остаться незаметными.

Но мимо так никто и не прошел. Хвала Великому Озону! Толпа прошла через другой выход. И только мы собрались чтобы тихонечко улизнуть. Как в нашу сторону надвинулась тень.

Принц Каэл. Один, скинув парадный камзол, в одной белой рубашке, расстегнутой у горла. Он шел быстро, раздраженно проводя рукой по сияющим светлым волосам. Его лицо, освещённое прыгающим светом его собственного небольшого светильника, было красивым, как на монетах, и таким же холодным. Он не увидел нас. А если и увидел, то просто не обратил внимания.

Он прошел в свои покои и захлопнул дверь.

Мы выдохнули.

— Быстро, — прошептала я. — Нужно закончить подход к его двери. Это займет две минуты и уходим.

Мы засуетились, двигаясь к злополучному месту у дверей принца. Здесь пол был особенно гладким, отполированным бесчисленными подошвами сапог и туфель знати. Мы терли его, я ловила себя на мысли, что моё отражение в мокром камне лишь размытое серое пятно.

И тут дверь распахнулась.

Я вздрогнула и уронила тряпку. Лора замерла, словно кролик перед удавом.

Принц Каэл стоял на пороге. Он смотрел не на пол, а поверх наших голов, в темноту коридора.

— Служанку! — Крикнул он, нетерпеливо, не видя нас в

упор. — Немедленно! Эй!

Тишина была ему ответом. Его служанка, должно быть, уже спала или была далеко. Ох и получит же она от хозяйки, если та узнает.

Его взгляд, наконец, упал. Сначала на Лору, потом на меня. На мою тряпку, на ведро. Я не почувствовала в нём ни презрения, ни гнева. Лишь раздражение и холодный, быстрый расчет.

— Ты, — ткнул он пальцем в мою сторону. Его голос был гладким, как этот пол, и таким же твердым. — Брось это. Зайди. Мне нужна помощь.

Лора чуть не вскрикнула, но я, повинувшись вековому инстинкту, уже поднялась, отряхивая мокрые руки о грубую ткань платья. Страх сковал горло. Хозяйка убьет. Убьет, если узнает, что я, ничтожество, переступила порог покоев принца. Более того посмела иметь неосторожность попасться ему на глаза.

Но принц приказал. Я же не могу ослушаться его.

Я посмотрела на Лору, а затем шагнула вперед, из привычной темноты коридора в ослепительный свет его покоев.

Арт Эллис и бедняжки Лоры...

Глава 3

Прах

Камень пола в покоях принца был не таким, как в коридорах. Не холодным серым сланцем, а теплым мрамором цвета меда, с прожилками, похожими на золотые реки. Я уставилась в одну такую прожилку, прямо перед своими босыми, грязными ногами. Они оставляли мокрые следы на этой роскоши.

Я оцепенела. Страх сковал не только тело, будто воздух в легких застыл льдом, и сердце билось глухо и часто. Отблески свечей в канделябрах прыгали по стенам, увешанным гобеленами с охотничьими сценами. Повсюду стояли вещи, смысл и назначение которых были мне непонятны: резные деревянные шкапулки, странные приборы с блестящими деталями, книги в кожаном переплете. А ещё здесь пахнет так приятно, воском и древесиной. В моей комнате таких ароматов не бывает.

Принц прошел мимо меня, словно мимо мебели. Он поставил свой светильник на широкий стол, заваленный бумагами, и начал бормотать себе под нос, срывая с шеи тонкую золотую цепь.

— Вот же гадство! — Голос, такой бархатный и низкий, заставил меня вздрогнуть. Он обернулся. — Эй ты! Помоги собрать вещи!

Его взгляд скользнул по мне, от грязных подошв до спутанных волос. В его глазах промелькнуло досадливое недоумение, будто он увидел таракана на праздничном пироге.

— И почему на тебе такие лохмотья? У служанок же есть форма.

Он произнес это с толикой озабоченности, но такой милостливой, такой поверхностной, что она была хуже презрения. Ему было все равно. У него просто не укладывалось в голове, что во дворце может существовать что-то столь неподобающее.

— А впрочем, неважно. Сейчас мне нужна помощь. Живо!

Я не могла пошевелиться. Мысли метались, как пойманные птицы. Как с ним разговаривать? Какие слова использовать? «Ваша светлость»? Или просто «да» и «нет»? А если он спросит что-то сложное? Великий Озон, я даже не знала, как правильно дышать в этой комнате.

Он ждал секунду, затем фыркнул и махнул рукой, отвернувшись к массивному дубовому шкафу. Его движения были резкими, взволнованными. Он расстегивал манжеты рубашки, поправлял волосы, мелкие, нервные жесты, которые никак не вязались с тем холодным, отчеканенным образом с монет.

И тут дверь открылась.

Вошел он. Глава королевской стражи. Я видела его лишь раз, краем глаза, когда он отчитывал одного из поваров у

кухни. Тогда его лицо, изрезанное шрамом от виска до подбородка, казалось высеченным из гранита. Сейчас оно было не менее суровым. Он был огромен. Латы на нем не громы-хали, а лишь тихо звякали, будто часть его самого. Он почти-тельно, но без подобострастия склонил голову перед прин-цем.

Его взгляд холодный, оценивающий мимолетно скользнул по мне. Он задержался на мгновение, в нем не было даже презрения. Как будто он смотрел на пыль, которую сейчас сметут. Затем его глаза снова приковались к принцу.

— Ваша светлость, везде проверили. Её точно нигде нет. Госпожа Элеонор. Исчезла. Какие приказы? — Его голос был низким, отчеканенным, и хриплым. — Ваша свадьба должна состояться как можно раньше.

Он говорит о победительнице отбора. Пропажа невесты. Это было... немыслимо. Скандал. Катастрофа.

Я, двигаясь как во сне, как марионетка на невидимых нитях страха, подошла к шкафу. Мои пальцы дрожали. Я не смела прикоснуться к богатым тканям — бархату, шелку, тонкой шерсти. Что собрать? Насколько? На день? На неделю? Я украдкой подняла взгляд.

Они не смотрели на меня. Совсем. Я была для них пустым местом, фоном. Эта мысль принесла странное облегчение.

Принц медленно опустился в кресло у камина. Огонь играл на его профиле, делая его ещё более отстраненным и царственным. Он принял задумчивую позу, и слегка потер рук.

— Грегори, дело паршивое, — тихо произнес он, и в его голосе впервые прозвучала усталость, настоящая, человеческая. — После свадьбы я должен стать королем всего благо-словенного Королевства Лоска. И моя избранница *уже* помазана Великим Озоном! Как я по-твоему стану королем без королевы?

— Но ваша светлость, я могу послать лучших стражников на её поиски. Скрытно. Мы найдем её до...

— До чего? — Перебил его принц, и его голос снова стал твердым, стальным. — До того, как об этом прознает совет? До того, как мои дорогие кузены начнут строчить письма о нестабильности? Нет.

Я замерла у шкафа, затаив дыхание. Они говорили при мне. Спокойно, откровенно. Это осознание лишь подтверждает мою ничтожность. Я настолько ничего не значила, что при мне можно было обсуждать всё что угодно. Я была меньше, чем муха на стене. Муху могли прихлопнуть. Меня же даже не замечали. И в этом есть своя извращенная безопасность.

— Кто ещё в курсе об этом? — Спросил принц.

— Пару стражников из внутреннего круга. Больше никто. Сама леди Элеонор... её горничная ничего не подозревает.

— Отлично. И не узнает. И ты помалкивай.

Затем наступила тишина, нарушаемая только потрескиванием поленьев в камине. И в этой тишине я почувствовала, как его взгляд медленно, неумолимо поворачивается ко мне.

Волна панического холода накрыла с головой.

— Эй ты, подойди.

Голос был спокойным, почти ленивым. Но в нем была непререкаемая команда. Я оторвалась от шкафа, и мои ноги, казалось, вросли в медовый мрамор. Я заставила их двигаться, медленно, неуклюже, плетью, подошла и сделала самый низкий поклон, какой только знала.

— Ты вообще говоришь?

Горло сжалось. Язык прилип к небу. Я лишь закивала, чувствуя, как горячая краска стыда заливает шею и щеки.

— Посмотри на меня!

Это был уже приказ, окрашенный легким раздражением. Я зажмурилась на мгновение, затем, преодолевая вековой инстинкт выживания, велела векам подняться. Медленно. Потом подняла голову.

Его лицо было близко. Очень близко. Я впервые видела цвет глаз знатного человека. Они были серыми. Но не как у Лоры, тусклыми, цвета грозового неба. Эти были как сталь после закалки, светлые, холодные, пронзительные. В них не было ни доброты, ни злобы. Был лишь расчет. Тот же, что я видела в лицах некоторых служанок, хотя конечно у них были более низменные потребности. Он изучал меня, как изучают незнакомый, но потенциально полезный инструмент.

— Да, Ваша Светлость, — прошептала я, и мой голос прозвучал чужим.

— Встань во весь рост.

Я выпрямилась, стараясь не горбиться, чувствуя каждое движение моего жалкого тела под этим оценивающим взглядом. Позор. Я была грязной тряпкой на фоне его безупречности.

Он отвел глаза от меня, снова к Грегори. Но теперь в его взгляде появилась решимость, словно родившаяся из отчаяния.

— Вот, как мы поступим. Никто не должен узнать о случившемся. И не узнает. — Он сделал паузу, давая словам осесть. — Утром мы с невестой решили отправиться в небольшое предсвадебное путешествие. В компании двух стражников. И официально об этом объявлю я матушке тоже на рассвете.

Грегори, опытный солдат, не смог сдержать удивления. Его брови поползли вверх.

— Но, ваша светлость! А как же леди Элеонор? Её пропажу обнаружат уже ночью! Её горничная, её семья...

— Не обнаружат! — Отрезал принц, и в его голосе зазвучала сталь. — Потому что леди Элеонор эту ночь провела в покоях принца.

Он снова повернулся ко мне. Теперь его серые глаза смотрели на меня уже не просто как на инструмент. Они смотрели как на решение. Как на грязный, нелепый, но единственный выход из тупика.

— Как тебя зовут, создание? — Спросил он, и его голос вдруг стал мягче. Не добрым. Нет. Но обволакивающим, как

масло. Опасно мягким.

Я сглотнула.

— Эллис.

— Эллис, — повторил он, будто пробуя имя на вкус. Оно звучало странно в его устах, простое, уличное имя, произнесенное с придворной интонацией. — Ты когда-нибудь мечтала о путешествии?

Вопрос повис в воздухе, нелепый, невозможный. Я уставилась на него, не в силах понять. Мечтала ли я? Я мечтала о теплой постели. О свежем хлебе. Путешествие было из другой вселенной, из сказок, которые нам иногда по ночам шепотом рассказывала старая кухарка.

Я не знала, что ответить. Мой испуг, мое замешательство, казалось, были тем ответом, который он и ожидал.

— Поздравляю, Эллис, — уголок его рта дрогнул. — Твоя мечта сбывается.

Глава 4

Прах

Если подумать, в моей жизни было мало хороших событий. Настолько мало, что я могла пересчитать их по пальцам одной руки, не отрываясь от мытья полов.

Первое - Лора. Её дыхание рядом в темноте нашей конуры, её тихий смех, когда мы делили кусочек сахара, украденный дня нас Бэтти. Второе – сама Бэтти.

Бэтти была древней, как замковые подвалы. Её спина сгорбилась от годов у печи, руки покрылись сетью ожогов и шрамов, но глаза... глаза оставались живыми, как угольки в золе. Она работала ночной кухаркой, готовила простую еду для стражников, служанок и таких же, как мы, ночных теней. И она была добра. Не снисходительно-жалостливой, как некоторые, а по-настоящему, по-матерински доброй. У неё был сын. Лука.

Лука был младшим стражником, высоким и тихим, с серьезным лицом, унаследовавшим мамину доброту, но спрятанной под слоем солдатской выправки. Бэтти говорила о нём со светящейся гордостью, которая разгоняла морщины вокруг её глаз. Иногда, глубокой ночью, Лука спускался на кухню. Тогда Бэтти запирала дверь, заваривала чай из сушеных ягод, терпкий, кисловатый, самый вкусный напиток в моей жизни. И мы все вчетвером садились за грубый кухон-

ный стол.

Мы с Лорой ненадолго забывали о ведрах и тряпках. Мы просто сидели. Пили чай, согревая ладони о глиняные кружки, а Бэтти рассказывала истории о мире. О торговых путях, уходящих за горизонт. О лесах, где деревья встают стеной, а в ветвях поют невиданные птицы. О морях, чей вкус соли она однажды попробовала в молодости и запомнила навсегда.

Именно Бэтти, шёпотом, оглядываясь на дверь, поведала нам главную тайну Королевства Лоска. О том, что все мужчины правящей династии владеют магией. Не яркой, взрывной, а тихой, глубокой, как корни древних дубов. Магией стихий. Благодаря ей поля давали троекратный урожай, реки не высыхали, и в рудниках всегда находилась жила. «Потому-то весь Лоск и процветает, девоньки, — говорила она, прихлебывая чай. — И нам, грешным, очень повезло жить под сенью дворца. Холодно и голодно бывает, а за стенами...ещё холоднее и голоднее».

Эти ночи на кухне, запах чая, теплый свет масляной лампы и голос Бэтти, вот оно, третье и последнее светлое пятно. Вся моя вселенная умещалась в этих трех точках: сестра, старая кухарка и её сын. Всё остальное было серым, холодным, отмеренным взмахами тряпки.

И сейчас, стоя напротив принца в его ослепительных покоях, я с ужасом понимала: мой хрупкий, убогий мир вот-вот разобьется вдребезги. Я ввязалась во что-то чудовищно большое, темное и непонятное. Это не могло закончиться

хорошо. Скорее всего, я умру. Меня утопят в том же ушатѣ, или сбросят с башни, или просто закопают в дальнем углу сада. Кому какое дело до поломойки? Я была расходным материалом. Одноразовой тряпочкой, которую используют для самой грязной работы, а потом выбрасывают.

Принц, после вопроса о путешествии, просто развернулся и ушел, велѣв оставаться на месте. Грегори бросил на меня последний каменный взгляд и последовал за ним. Дверь закрылась.

И я осталась одна.

В центре этой невероятной роскоши, в кругѣ света от камина и свечей. Я стояла на том же месте, куда он указал, боясь пошевелиться. Казалось, если я сдвинусь хоть на палец, весь этот сон рассыплется, и меня настигнет расплата. Мысли метались. Что он задумал? Зачем я ему? Он сказал «с невестой». Он посмотрел на меня. Ледяная догадка начала прорасти в мозгу, такая чудовищная, что я тут же отогнала её. Нет, не может быть. Это безумие.

А впрочем, кто я такая, чтобы гадать? Я пыль.

В голове вертелась Лора. Она сейчас наверняка закончила одна, вернулась в нашу конуру и не находит меня. Сидит на моей койке, обхватив колени, и с ужасом ждет. Может, плачет. Моя бедная младшая сестренка. Хозяйка говорила, что мы обе уродились бракованными, мелкие, тщедушные, блѣдные. «Толку от вас, как отдохлых котят, только рты лишние кормить», — шипела она, и плетъ свистела в воздухе. Лора

была ещё меньше меня, хрупкой, как зимний ледок на луже. Я всегда старалась подставить спину под удары, когда они доставались ей.

Я стояла в своих рваных, вечно мокрых от половой воды лохмотьях. Они пахли довольно не приятно, как пахнет промокшая тряпка после неоднократного использования. Другого у меня не было. Ну, как не было... Было одно. Платье. Простое, серое, из грубого, но целого и добротного хлопка. Его мне подарила Бэтти на восемнадцатилетие. Она месяц откладывала медяки, чтобы купить ткань, и шила по ночам. «Ты становишься девушкой, Эллис, — сказала она тогда, суя сверток мне в руки. — Пусть будет хоть одна сменка, в которой не стыдно. Хоть раз».

Я ни разу его не надела. Боялась испачкать, порвать. Боялась, что хозяйка увидит и отберет. Оно лежало под моей соломенной подстилкой, завернутое в тряпицу, как самая большая драгоценность. Я и драить полы в нём никогда бы не стала. Оно было для другого, не наступившего ещё дня.

Время тянулось, как раскаленная смола. Я слышала, как где-то далеко бьют часы. Прошел час? Или всего полчаса? Ноги затекли и горели, но я не смела пошевелиться. Я смотрела на прожилки в мраморе, пока они не начали расплываться перед глазами от усталости и страха.

И вот дверь снова открылась.

Вошел принц Каэл. Один. Он был уже в другом, более простом, но все равно невероятно тонком кафтане бордово-

го цвета. Его взгляд упал на меня, и в его глазах мелькнуло искреннее, почти детское удивление.

— Ты что, так и стояла здесь, не двигаясь? Всё это время?

Я кивнула, не в силах вымолвить слово. Что я могла сказать? «Да, Ваша Светлость, потому что вы приказали»? Звучало бы глупо.

Он покачал головой, и на его губах появилось что-то вроде усмешки, но беззлобной. Уставшей.

— Меня, если честно, раздражает, что ты молчишь. Ты как мышь. Пищишь только, когда на тебя наступают. — Он подошел ближе, остановившись в двух шагах. Его взгляд скользнул по моей фигуре, изучающе, без пошлости, но и без жалости. — А может, ты и есть мышь? Переродившаяся? Заблудшая дворовая мышь в облике девушки?

Он засмеялся. Легко, почти искренне. Звук был теплым, приятным, бархатным. Я растерянно уставилась на него.

— Ладно, — он отмахнулся, и вся мимолетная легкость исчезла с его лица, сменившись сосредоточенной деловитостью. — У нас мало времени. До рассвета несколько часов. Начинаем.

Принц сделал паузу, посмотрел мне прямо в глаза, и произнес четко, без колебаний:

— Раздевайся.

Слово прозвучало не как приглашение, не как похоть, а как команда. Такая же прямолинейная, как «помой пол». Воздух вырвался из моих легких со свистом. Мир поплыл

перед глазами. Я почувствовала, как кровь отливает от лица, стынет в пальцах. Все мои худшие, самые грязные догадки, казалось, подтверждались в самом примитивном, унижительном ключе.

Я не двинулась с места. Не смогла. Во мне застыла вся тысяча лет страха, стыда и покорности, смешанная с внезапной, дикой, животной волной сопротивления.

Он увидел мой ужас. В его глазах промелькнуло раздражение, а потом понимание. Он вздохнул, глубоко и устало.

— О Великий Озон, нет, не в этом смысле, — пробормотал он себе под нос, проводя рукой по лицу. Потом посмотрел на меня снова, уже стараясь говорить терпеливее, как объясняют что-то очень простое очень глупому ребенку. — Эллис. Посмотри на себя. Потрогай свою одежду. А теперь посмотри сюда.

Он обвел рукой комнату, указав на гобелены, на мрамор, на тончайший фарфор на полке.

— Ты пахнешь помоями. Ты выглядишь как... как грязь, собранная с башмаков. И ты думаешь, что в таком виде сможешь мне помочь? Сможешь кого-то обмануть? Хотя бы на секунду? Даже в темноте?

Он подошел к большому сундуку у стены, откинул крышку. Внутри лежали одежды. Женские. Из тончайших тканей, украшенные вышивкой и кружевами. Он вытащил одно платье цвета ночного неба, с золотистыми нитями.

— Чтобы сыграть роль, нужен костюм, — сказал он жест-

ко, повернувшись ко мне с платьем в руках. — Сейчас ты будешь не Эллис. Ты будешь леди Элеонор. А леди Элеонор в лохмотьях не ходит. Поняла? Тебе нужно избавиться от того, чем ты была. Сейчас. Быстро. Пока есть время тебя отмыть, одеть и... научить не ковылять, как раненый павлин.

Он швырнул платье на ближайшее кресло и скрестил руки на груди, ожидая. Его взгляд был непреклонен.

Я смотрела на сверкающее платье, потом на свои грязные, дрожащие руки. «Избавиться от того, чем ты была». Эти слова отозвались во мне глухим, болезненным эхом. Моя старая жизнь, убогая, но знакомая, требовала цепляться за эти лохмотья.

Но глубоко внутри, под толщей страха, шевельнулось воспоминание о Бэтти и историях о далеких морях. И осознание, что это билет на ту самую лодку. Это шанс увидеть, что там, за самими неприглядными стенами дворца.

И пусть это путь к гибели. Но я умру, повидав хоть что-то прекрасное в этом мире.

Принц и... нищенка???

Дорогие читатели, прошу поприветствовать его Светлость, наследный принц Каэл!

Глава 5

Прах

Мои пальцы, дрожащие и неуклюжие, только потянулись к завязкам грубого холщового платья, когда его голос остановил меня, резкий и нетерпеливый.

— Подожди. Ты не можешь надеть это, — он кивнул на шелковое платье на кресле, — поверх того, в чем ты есть. Ты же вся в... — он не договорил, лишь брезгливо сморщился. — В моих покоях есть ванна. За ширмой.

Он махнул рукой в сторону дальнего угла комнаты, где за тонкой ширмой из темного дерева с перламутровыми вставками угадывался какой-то силуэт. Ванна. Я знала, что это такое, только понаслышке. Служанки высшего ранга иногда упоминали, как готовили ванны для господ. Это было что-то огромное, как лохань, но из белого, гладкого камня.

— В ней уже есть вода. Теплая, — сказал он, и в его голосе прозвучало странное сочетание: привычная повелительность, но и едва уловимая, уставшая нотка заботы. Как если бы он инструктировал лошадь перед выездом. — Ты можешь помыться сама? Или тебе нужна... помощь?

Последние слова он произнес с явным сомнением, глядя на меня так, будто я была не человеком, а запуганным зверьком, к которому не знаешь, как подступиться. В его вопросе не было ничего непристойного, только практическая озада-

ченность. Справится ли это создание с такой сложной задачей, как самостоятельное мытье? У меня сжалось сердце от жгучего стыда.

Я закивала, слишком быстро, почти судорожно. Да, да, я могу. Я умею мыться. У нас внизу, в каморках для прислуги, была общая бочка с холодной водой и жесткие мочалки из коры. Это был болезненный, быстрый ритуал раз в неделю. Но я умела.

— Хорошо, — он повернулся к столу, отвлекаясь на бумаги, давая мне призрачную иллюзию уединения. — У нас остался час. Ровно. И мы уезжаем. Так что поторапливайся.

Час. Я метнулась к ширме, спотыкаясь о собственные ноги.

За резной деревянной панелью открылось небольшое пространство, выложенное изразцами с синими узорами. И там стояла она. Не лохань, а произведение искусства. Ванна была выточена из цельного куса молочно-белого камня, который на ощупь казался теплым и гладким. Она была такой огромной, что я могла бы в ней утонуть с головой. Вода в ней действительно была чистейшая, чуть дымящаяся, с легким ароматом хвои. Рядом на низком столике лежали куски мыла цвета слоновой кости, пушистые полотенца, больше и мягче любого одеяла, что я видела, и даже маленькая губка из морской травы.

Я застыла на пороге, пораженная. Это было не для мытья. Это было для ритуала, о котором я не имела понятия.

Я лихорадочно начала срывать с себя одежду. Платье, от которого пахло сыростью. Куски ткани, которые сложно было назвать исподним. Всё это падало на изразцовый пол бесформенными, жалкими грудками. Я стояла перед этой царственной ванной голой, дрожа от холода и смущения, чувствуя себя невиданным, гадким существом, вторгшимся в святилище. Моя кожа под лохмотьями была бледной, почти прозрачной, с синяками старыми и новыми на ребрах и плечах, со следами плетки на спине. Я была костлявой, недоразвитой, как цыпленок без перьев.

Я зажмурилась и шагнула в воду.

Теплота обняла меня с головокружительной, почти болезненной нежностью. Я не помнила, когда последний раз была по-настоящему в теплой воде. Она приняла моё грязное тело безропотно. Я опустилась на дно, чувствуя, как камень мягко поддерживает спину, и на мгновение позволила себе просто закрыть глаза. Это была роскошь, за которую, казалось, придется заплатить жизнью. Но хотя бы этот миг... этот миг был мой.

Потом инстинкт выживания взял верх. Я схватила мыло. Оно скользило в руках, пахло небесами и лавандовыми лугами, запахами, о которых я только слышала в историях Бэтти. Я терла им кожу, с ожесточением, пытаюсь стереть не только грязь, но и запах страха, и память об ударах, и само ощущение того, чем я была. Грязь сходила, оставляя на поверхности воды сероватые разводы. Я мылилась снова и снова, пока

кожа не начала скрипеть и не покраснела.

Волосы, тусклые и спутанные, я попыталась намылить тем же мылом. Вода в ванне постепенно мутнела, становясь свидетельством моего прежнего существования. Я смотрела на эту воду и думала: вот он, прах моей жизни. Смывается в канализацию замка.

Время летело неумолимо. Я выскочила из остывающей воды, схватила полотенце. Оно было таким большим и мягким, что я могла завернуться в него с головой. Я вытерлась, стараясь не думать о том, что могу оставить следы на этой белизне. Хотя я и отмылась так, как никогда прежде. Потом наступила очередь платья.

Я подошла к креслу, почти благоговейно дотронувшись до ткани. Шёлк был холодным и скользким, как вода, но куда тоньше. Я никогда не держала в руках ничего подобного. Я попыталась понять, как это надеть. У него не было привычных завязок спереди, только какая-то сложная система шнуровки сзади и множество мелких пуговиц. Паника снова подступила к горлу. Я безуспешно пыталась натянуть его через голову, запуталась в складках, чувствуя, как драгоценная ткань вот-вот порвется под моими неумелыми руками.

— Ты утопилась там что ли? — Раздался голос принца из-за ширмы, и в следующее мгновение он вошел.

Я вскрикнула, судорожно прижимая полотенце к груди и беспомощно держа в другой руке ком шёлка. Он увидел меня вымытую, с мокрыми, спутанными волосами, красную от

смущения и усилий, и его лицо выразило скорее досаду, чем одобрение.

— О, пустошь. Конечно, сама не справишься, — пробормотал он. — Давай сюда.

Он не стал церемониться. Ловко выхватил у меня платье, встряхнул его, и коротко приказал:

— Брось это тряпье. Руки вверх.

Я, покорная и оглушенная, уронила полотенце. Мне было не до стыда. Стыд был для тех, у кого есть достоинство. У меня его не было. Я стояла перед ним голая, дрожа, пока его быстрые, умелые пальцы управлялись со шнуровкой и пуговицами. Он касался меня только тканью, его движения были безличны и эффективны, как у всадника, седлающего лошадь. Он тянул, поправлял, завязывал. Он стоял так близко что я уловила аромат. От принца пахло свежестью и яблоками. Очень приятно.

— Волосы, — отчеканил он, закончив. — Придется убрать. Вытри-ка их хорошенько полотенцем.

Я повинуюсь, а затем он подошел к туалетному столику, схватил щетку с серебряной спинкой и несколько шпилек. Подозвал меня. Я подошла, глядя в большое зеркало. И замерла.

В зеркале стояла незнакомка. Тонкое, бледное лицо с огромными испуганными глазами цвета корицы. И платье... Платье было волшебством. Оно падало мягкими складками, подчеркивая тощие плечи и узкую талию, которых я у себя

не замечала. Цвет ночи делал кожу фарфоровой, а золотистые нити мерцали при свете свечей, как звезды. Это была не я. Это была кукла. Красивая, хрупкая, безвольная кукла в дорогой одежде.

— Не пялся, времени нет, — рывкнул он, и грубо начал расчесывать мои мокрые волосы, дергая щёткой по спутанным прядям. Больно. Но я молчала. Он собрал волосы в сложную, на его взгляд простую, а на мой невообразимо замысловатую прическу, закалывая шпильками. Все заняло у него минуты три.

Потом он отступил на шаг, окинул меня критическим взглядом.

— Лицо бледное, но у Элеонор оно было таким же. Худобу можно списать на волнение перед свадьбой. Рост... почти совпадает. Глаза... карие. Сойдет, — он говорил сам с собой, оценивая товар. — Постой ровно. Не сутулься. Дыши. Да, просто дыши. Не забывай это делать.

Он снова вышел из-за ширмы. Я слышала, как он что-то передвигает, звякает металлом. Я стояла, глядя на свое отражение, пытаюсь заставить себя дышать, как он велел. В груди было пусто и холодно, несмотря на теплое платье.

Через минуту он вернулся. В руках у него были туфли. Изящные, бархатные, на небольшом каблучке. И плащ с капюшоном, тяжелый, из темно-синего тяжелого бархата, подбитый теплой тканью.

— Надень, — бросил он туфли мне под ноги. Они оказа-

лись чуть велики, но терпимо. Плащ он накинул на меня сам, запахнул, натянул капюшон так, чтобы он скрывал половину лица. — Это на улицу. Пока не выйдем за пределы замка, ты не должна светиться.

Потом он взял меня за подбородок, грубо приподнял моё лицо. Его стальные глаза впились в мои.

— Слушай внимательно, Эллис. Сейчас мы выходим. Ты - леди Элеонор. Ты устала, ты хочешь спать, ты немного не в себе после пира и предсвадебного волнения. Ты не говоришь ни с кем. Только со мной. И то односложно. Киваешь, качаешь головой. Ты меня поняла?

Я кивнула, чувствуя, как каменеют мышцы шеи.

— Хорошая мышь, — усмехнулся он без радости. Он оглядел комнату, потушил несколько свечей, оставив только один светильник. Затем взял меня за локоть, его пальцы сжали мою руку через ткань плаща, твердо, не оставляя выбора. — Пора.

Он повел меня к потайной двери в стене, которую я раньше не замечала, она была скрыта гобеленом. Дверь открылась бесшумно, показывая темный, узкий проход, пахнущий сыростью.

— И ещё одно, — он заставил меня остановиться, уже на пороге темноты. Его голос стал тихим, но от этого ещё более весомым. — Если ты сейчас сбежишь, или выдашь нас, или сделаешь что-то глупое, твоя сестра Лора ответит. Поняла? Её судьба теперь в твоих руках. Вернее, в твоём послушании.

Ледяная игла пронзила мне грудь. Лора. Он узнал о Лоре. Конечно, узнал. Он дал задание Грегори узнать обо мне, и сделать так чтобы никто и не заметил мою пропажу.

Я снова кивнула, на этот раз с такой силой, что чуть не сломала шею. Страх за себя сменился абсолютным, животным ужасом за неё. Принц накинул на меня цепь, как только позвал войти в его покои. И только что защелкнул замок.

— Тогда пошли, — сказал принц Каэл и толкнул меня в темноту потайного хода. Дверь закрылась за нами, отсекая последний отсвет знакомого мира.

Мы шли по узкой, холодной лестнице, вниз. Я спотыкалась о непривычные каблуки, он крепко держал меня за локоть, не давая упасть. Где-то внизу, у выхода, должны были ждать стражники. И лошади. И целый мир, в котором мне предстояло быть кем-то другим.

Я была больше не Эллис. Я была прахом, одетым в шелка.

Дорогие читатели, если вам нравится эта история, буду безумно благодарна если вы поддрежите её звездочкой, комментарием и подпиской на автора))
Арт прилагаю))

Глава 6

Прах

Холодный, предрассветный воздух ударил по лицу, пробиваясь сквозь ткань капюшона. Он пах не сыростью коридоров и не щелоком, а свободой. Острым запахом скошенной травы, лошадиной сбруи и далекого дыма. Я втянула его в легкие, и он обжег, такой чистый, такой огромный.

Мы стояли в маленьком, закрытом дворике, куда вывел потайной ход. Здесь, в тени высокой крепостной стены, уже ждала карета. Парадная золоченая, запряженная парой рослых гнедых лошадей. Они переступали с ноги на ногу, выпуская клубы пара в холодный воздух. Рядом, неподвижный, как часть пейзажа, стоял Грегори. В полном боевом облачении, его шрам при тусклом свете факела казался ещё глубже.

— Ваша светлость, — его голос был тихим, но отчетливым в утренней тишине. — Всё готово. С вами поедут Маркус и Вильям. Проверенные люди. Они будут сопровождать карету.

Принц кивнул, его взгляд бегло скользнул по двум стражникам, уже сидевшим верхом на конях неподалеку. Они были в дорожных плащах, лица скрыты капюшонами. Ничего не выдавало в них членов королевской гвардии. Просто вооруженные всадники.

— Хорошо. В путь.

И тут принц замер. Его взгляд метнулся к арке, ведущей из главного двора. Я последовала за его взглядом и почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Из-под арки вышла она. Неспешной, величественной походкой, в сопровождении одной-единственной фрейлины со светильником. Королева.

Она была облачена в темный, почти черный бархат, отороченный горностаем. Её волосы, седые как иней, были убраны в строгую, но безупречную прическу. На лице не было и тени сна. Только холодная, всевидящая мудрость. Она шла прямо к нам.

Паника, острая и слепая, ударила мне в виски. Я инстинктивно вжала голову в плечи, пытаюсь скрыться в глубине капюшона. Пальцы в тонких перчатках судорожно сжали край плаща.

Принц не дрогнул. Но его рука, лежавшая на моем локте, на мгновение сжалась так, что я чуть не вскрикнула от боли. Потом его движения стали плавными, почти нежными. Он повернулся ко мне, закрывая своим телом от приближающейся матери. Его пальцы коснулись моего лица чуть отодвигая ткань капюшона, жест, полный мнимой заботы и реального, железного приказа. Он оказался так близко, что, клянусь, я почувствовала жар его дыхания у своего уха.

— Живо, — прошептал он так тихо, что я скорее угадала по движению губ. — В карету. Сейчас.

Я не спорила. Способность спорить у меня отняли годы

назад. Я рванулась к зеву кареты, подхваченная его сильной рукой. Неуклюже, спотыкаясь о подол платья и непривычные каблуки, я ввалилась внутрь. Темнота, запах кожи и старого дерева. Я отползла в самый дальний угол, на мягкое сиденье, и замерла, прижавшись спиной к стенке.

Снаружи слышались голоса. Голос королевы был низким, мелодичным, но каждый звук в нем был чётким и пронзительным.

— Дорогой сын, — сказала она, и в её голосе звучала усталая снисходительность. — Я понимаю твоё желание... улизнуть со своей невестой. Порыв молодости, страсти. Но, милый, сейчас это более чем некстати. Неприлично. Тем более, свадьба ещё не состоялась. Что скажут при дворе? Что подумают вассалы?

Я зажмурилась, представляя её величественный взгляд, который, казалось, видел всё. Увидит ли она сквозь дерево и ткань, что внутри не леди Элеонор, а переодетая мышь?

Голос принца в ответ прозвучал непринужденно, даже игриво. В нём появились те бархатные, теплые нотки, которые я слышала, когда он смеялся надо мной.

— Матушка, ну что ты, — засмеялся он. — Чувства, знаешь ли, невозможно уложить в расписание церемониймейстера. Так уж вышло, что моя невестушка само совершенство. И мне невтерпеж провести с ней хоть немного времени наедине, без сотни глаз и ушей. Мы скоро вернемся! Клянусь тебе. И сыграем такую пышную свадьбу, что весь Лоск будет

слагать легенды и сочинять баллады о ней ещё сто лет.

Он говорил так убедительно, с такой легкой, юношеской восторженностью, что я на мгновение почти поверила ему сама. Это был актер. Великолепный актер.

Наступила короткая пауза. Я представила, как королева изучает его лицо, ища ложь в глазах собственного сына.

— Ах, Каэл, — наконец вздохнула она, и в её голосе вдруг прорвалась самая настоящая, неподдельная нежность. — Ты такой романтик. Ладно. Пусть ваше маленькое приключение станет началом вашей истории. Да благословит вас Озон и дарует безопасную дорогу.

— Спасибо, матушка.

Послышался звук поцелуя, легкое прикосновение щеки к щеке. Потом шаги, удаляющиеся по камню мостовой. Я выдохнула, не осознавая, что задерживала дыхание.

Дверца кареты открылась, впуская внутрь серый свет наступающего утра и струю холодного воздуха. Принц вскочил внутрь, тяжело опустился на сиденье напротив меня и захлопнул дверь. По деревянной стенке раздался условный стук — сигнал к отправке. Карета дернулась с места, колеса закрипели по булыжникам. Мы тронулись.

В полумраке кареты его лицо казалось вырезанным из мрамора. Вся игривость, все тепло мгновенно испарились. Он откинулся на спинку, закрыл глаза, проведя рукой по лицу. Он выглядел смертельно уставшим.

А я... я сидела, закутанная в плащ, и не могла думать ни о

чем, кроме одного. Моё лицо, там, где он коснулся его пальцами... оно горело. Но не от грубости. От того, как он это сделал. Это было прикосновение. Мужское прикосновение. Первое в моей жизни.

Он коснулся меня. Он прикрыл меня собой. Он шептал мне в ухо. Он...

Это был спектакль. Жест для посторонних глаз, часть маскировки. Но его губы, холодные от утреннего воздуха, на мгновение коснулись моего виска, когда он наклонялся, чтобы прошептать. И этот мимолетный контакт взорвался у меня в сознании, как солнечный удар.

Я никогда не чувствовала ничего подобного. Никогда так близко не ощущала чужого тепла, чужого дыхания. У служанок иногда болтали о поцелуях, о ласках стражников в тёмных углах. Для меня это были такие же сказки, как истории Бэтти о морях. А теперь это случилось. Со мной. И сделал это принц.

Стыд вспыхнул во мне следом за смятением. Какая же я дура. Глупая, нищая мышь, которой бросили крошку внимания, и она уже дрожит от несуществующего чувства. Он спас не меня. Он спасал свою шкуру, свой трон. Я была просто удобной пешкой в его игре. Пешкой, которую только что поставили под удар королевы.

Он открыл глаза. В тусклом свете, пробивавшемся сквозь занавески на окнах, его стальные глаза казались тёмными, почти чёрными. Он смотрел на меня, не видя. Потом его

взгляд сфокусировался.

— Сними плащ, — сказал он без предисловий. — И капюшон. Теперь можно. Нас не должны видеть извне, но сидеть в этом мешке до первого привала глупо.

Я молча, дрожащими руками, расстегнула застёжку и стянула с себя тяжёлую ткань. Шёлк платья зашелестел в темноте. Я сбросила капюшон. Холодный воздух коснулся шеи, заставив вздрогнуть.

Он окинул меня оценивающим взглядом, как в своих покоях.

— Неплохо, — пробормотал он, больше для себя. — Сойдет. Главное, не открывай рот без крайней необходимости. И запомни: ты Элеонор. Ты моя невеста. Ты капризна, немного задумчива и очень устала от вчерашнего пира. Вся твоя энергия ушла на то, чтобы уговорить меня на эту поездку. Поэтому сейчас ты молчишь и отдыхаешь. Понятно?

Я кивнула, снова глядя в пол кареты. Ковер здесь был тонким, но чистым.

— Хорошо, — он вздохнул и снова закрыл глаза. — Теперь спи. Или делай вид, что спишь. Дорога долгая.

Карета покачивалась, подпрыгивала на ухабах. Сквозь щели в занавесках пробивались полосы света. Рассвет. Настоящий рассвет, который я встречала, отмывая полы, уже много лет.

Я сидела, не смея пошевелиться, и слушала, как за стенкой цокают копыта коней стражников, как скрипят колеса.

Мы покидали замок. Мы покидали Лору. Мы покидали Бэтти. Мы покидали всё, что я знала.

А на моем виске, под грудой спутанных мыслей и страха, всё ещё горело призрачное пятно. Пятно от мимолетного прикосновения.

И я понимала, что это самое опасное из всего, что со мной произошло за эту безумную ночь.

Арт к главе прилагаю!))

Глава 7

Прах

Мозг отказывался собирать мысли воедино. Они отскакивали, как сухие горошины от каменного пола, звонкие, пустые, бессмысленные.

Куда мы едем? Зачем он взял именно меня? Что будет, когда я перестану быть нужной? Жива ли Лора? Догадалась ли Бэтти? Кто помоеет галерею?

Последний вопрос был самым абсурдным и оттого самым назойливым. Кто-то же должен драить полы. Хозяйка, наверное, в ярости, что одна из её «бракованных» исчезла. Наверняка думает, что я сбежала, и уже готовит плетёнку для Лоры, чтобы выбить правду.

Я не имела права задавать вопросы. Это было ясно как день. Я была вещью. Вещью, которую взяли в дорогу, как дорожный сундук или запасное колесо. Молчаливой, покорной, временной вещью.

Я пересчитала всех, кто был в этой авантюре, помимо нас двоих. Два стражника Маркус и Вильям. Тени на конях, призванные охранять и молчать. Кучер, невидимая спина на облучке. И ещё один человек, которого я заметила в суматохе посадки — носильщик, ехавший на облучке рядом с кучером, но его я не разглядела. Четыре пары глаз, которые видели, как «леди Элеонор» села в карету. Четыре потенци-

альных свидетеля, которых, вероятно, тоже придется как-то устранить, когда спектакль закончится. Или которые были куплены Грегори настолько, что молчание для них важнее жизни.

А я? Я была никем. Пылью, которую на время поместили в бархатную шкатулку. Ирония ситуации была в том, что эта пыль сейчас находилась рядом с самым главным человеком в Королевстве Лоска. Будущим королем, помазанником, носителем магии стихий, о которой шепталась Бэтти. Интересно какой стихией обладает принц?

Это была случайность. Глупая, нелепая, трагическая случайность. Я не была особенной. Во мне не таилось скрытых талантов, как у героинь из сказок Бэтти. Я не могла предсказывать будущее, говорить с животными или прясть золото из соломы. Я была пустой. Пустой сосуд, который можно наполнить любой ложью. И его наполнили именем Элеонор, шелками, историей о влюбленности.

И все же... несмотря на страх, на леденящее предчувствие гибели, внутри что-то ёкало. Что-то упрямое и глупое. Я отправлялась в путешествие.

Не в коридоре от западного крыла к восточному. А в настоящее. За стены. Я увижу не стрельчатые окна, а, возможно, настоящие леса. Услышу не звон бокалов, а пение незнакомых птиц. Даже если это будет последнее, что я увижу в жизни.

Усталость, накопленная за бессонную ночь, навалилась на

меня тяжким грузом. Адреналин от смены событий всё ещё гулял по венам, но тело требовало своё. Глаза слипались. Покачивание кареты стало убаюкивающим ритмом. Я боролась со сном, боясь расслабиться, боясь выдать себя храпом или неловким движением. Но в конце концов темнота за веками победила. Я провалилась в тяжелый, беспокойный сон, где полы были бесконечными, а принц смотрел на меня ледяными глазами и приказывал мыть их снова и снова.

Я проснулась от резкого толчка, колесо наехало на камень. Свет в карете изменился. Стал более рассеянным, белесым. Я осторожно приоткрыла глаза.

Принц спал.

Он откинулся в углу, его голова в такт качке слегка покачивалась. Свет, пробивавшийся сквозь занавески, падал на него мягкими пятнами. И я позволила себе наглость. Ту самую, за которую в другом месте и в другое время мне бы вырвали глаза. Я стала его разглядывать.

Вблизи, без маски холодного расчета или игривой небрежности, он казался... молодым. Просто молодым человеком. Его золотые волосы, рассыпались по плечам мягкими, беспорядочными локонами. Длинные ресницы отбрасывали тени на скулы. Губы, обычно поджатые в твердую складку, были слегка приоткрыты. Он дышал ровно, но глубоко. Его веки слегка вздрагивали, он видел сны.

Какие сны? — подумала я. О троне? О потерянной невесте? Или, может быть, о чем-то своем, простом и человече-

ском? О том, чтобы не быть принцем хотя бы во сне?

Он был прекрасен. Неприлично, несправедливо прекрасен. Как статуя бога, которую случайно наделили теплотой и дыханием. Эта красота была частью его власти, таким же оружием, как магия его рода. Она ослепляла, обезоруживала, заставляла забыть, что за ней может скрываться лед.

Я вспомнила его слова королеве. Такая нежная забота, такая пылкая страсть к невесте. Он играл. Конечно, играл. Но... а если нет? А если он и правда волнуется об Элеонор? Победительнице отбора, той, кого выбрало само королевство, благословил Великий Озон. Может, под этой маской расчета бьется растерянное, испуганное сердце? Может, его больше заботит она, чем трон?

Но тут же внутренний голос, вышколенный годами выживания, язвительно хмыкнул. Глупая мышь. Ты смотришь на волка и думаешь, что он переживает за потерянную овцу. Он переживает, что останется голодным. Трон - это его плоть и кровь. Элеонор всего лишь необходимый атрибут, ключ к нему. А ты... ты грязная тряпка, которой временно прикрыли брешь.

Он пошевелился во сне, и я мгновенно отпрянула в свой угол, зажмурилась, сделала вид, что сплю. Сердце бешено колотилось. Через щель ресниц я видела, как он потянулся, провел рукой по лицу, но не проснулся.

Карета ехала уже несколько часов. За окном прохладно. Я чувствовала холодок, пробивавшийся сквозь щели. Скоро

зима. Первый снег. Иногда мы играли с Лорой в снежки, когда ненадолго сбегали из-под строгого взора хозяйки.

Куда мы едем? На север? На восток? В горы? К морю? Он ни слова не сказал о маршруте. Мне не положено знать.

Он проснется, мы проедем ещё достаточно, чтобы скрыться с глаз королевства, уйти в какую-нибудь глушь. И там... там он прикажет. Стражникам. Или просто кучеру. «Выкиньте это». Как мешок с мусором. А на улице будет холодно. Пойдет первый снег. И я замерзну в этом шелковом платье, таком тонком, таком бесполезном против настоящего холода. Или они прикончат меня быстрее, чтобы не мучилась. Бросят у дороги. И никто никогда не узнает, куда делась поломойка Эллис. Лора будет ждать. Бэтти будет гадать. Хозяйка выместит зло на тех, кто остался.

Эта мысль была настолько ясной, настолько неизбежной, что стала почти успокоением. Я знала свой конец. Не нужно было гадать. Оставалось только ждать, когда он наступит. И попытаться увидеть по дороге что-нибудь красивое. Хоть один настоящий лес. Хоть одну реку. Чтобы было что вспомнить перед тем, как все закончится.

Я снова посмотрела на спящего принца. На его прекрасное, незащищенное во сне лицо.

Я умру раньше, чем ты найдешь свою невесту, — подумала я без злобы, с горькой ясностью. — И ты даже не вспомнишь, как меня звали.

Карета подпрыгнула на очередной кочке, и он открыл гла-

за.

Сон исчез мгновенно. Его взгляд был ясным, острым, сразу нацеленным на меня. Он увидел, что я бодрствую. Кивнул, не выражая ни удивления, ни интереса.

— Скоро сделаем привал, — сказал он голосом, слегка хриплым от сна. — Выйдешь, прогуляешься. Подышишь воздухом.

— Да, Ваша Светлость, — прошептала я. Вот оно, там то меня и прикончат.

Он нахмурился. Кажется, мое послушание его раздражало.

Он откинул занавеску на своем окне, выглянул наружу. Свет, отразившийся от чего-то белого и яркого, ударил мне в глаза.

— Отлично, — пробормотал он. — Первый снег пошел.

Глава 8

Бархат

Неделю назад.

Матушка самая чудесная королева. Идеально заточенный инструмент для правления. Каждое её слово отмерено, взвешено и несет ровно столько смысла, сколько необходимо для достижения цели. Она воплощение спокойной, неумолимой воды. Она выточила из меня то, что я есть. И наблюдала за результатом с холодным одобрением скульптора.

Отец, безусловно, великий король Лоска Вильгельм Смелый. Реликвия. Живой миф, застывший в позе вечного гнева. Его стихия - Огонь. Не метафорический, а самый что ни на есть настоящий, жгучий и всепожирающий. Говорят, в молодости одним взглядом он мог испепелить вражеский отряд. Сейчас этот огонь тлеет под пеплом лет и подагры, но вспыхивает с прежней яростью, стоит кому-то перечить. Тиран? Разумеется. Но эффективный. Он построил это королевство на костях и страхе, и оно до сих пор стоит.

Ему семьдесят пять. Мне двадцать пять. Цифры кричат сами за себя. Ему давно пора на заслуженный покой. В склеп, желательно. А его престол давно пора получить мне.

И именно по его инициативе было проведено это посмешище под названием «Отбор». Слишком долго, по его мнению, наследник престола оставался без пары. Народ начина-

ет шептаться. Нужно было демонстративно выбрать ту, что благословит сам Озон. Красивый ритуал, сплошная показуха.

В нём участвовали графини и дамы из самых благородных, но пресных домов Лоска. Каждая идеально вышколенная кукла. Но они все были на одно лицо: правильные черты, пустые глаза, разговоры о погоде, вышивке и тонкостях придворного этикета.

Скучища смертная.

Ни одна из них мне не нужна. Как, впрочем, и я почти каждой из них. Их интересовал статус. Корона. Возможность родить следующего наследника и тихо увядать в роскоши, пока я буду заниматься настоящими делами. Хотя, надо отдать должное, многие были вполне симпатичны. Но страх - великий антиафродизиак. Слухи о моей жестокости и надменности, которые я тщательно культивировал, сделали своё дело. Они боялись меня. В их глазах читался ужас под тонким слоем надежды. Ужас перед человеком, который однажды станет королем и получит абсолютную власть над их судьбами. Такую власть, какой не было даже у их отцов.

И вот она. Леди Элеонор из дома Вэйлов. Такая же, как все. Правильная. Смирная. С тёмными волосами, уложенными в скромную причёску, с глазами цвета лесного ручья, в которых не было ни искры живого интереса. Она умела красиво кланяться, негромко смеяться в нужных местах и, наверное, прекрасно вышивала гербы. Я выбрал её. Потому что

надо было кого-то выбрать. Потому что её род не слишком силен, чтобы диктовать условия, но и не слишком слаб, чтобы его сочли оскорбительным выбором. Золотая середина. Идеальная кандидатура для безвольной королевы, которая будет улыбаться на приёмах, рожать наследников и не лезть в государственные дела. Именно такая, какую хочет видеть рядом со мной матушка. Безропотное продолжение её самой.

Сейчас я иду по длинному, устланному ковром коридору в её покои. Весть о моем «выборе» уже должна была достичь её. Я представляю, как она там сидит, стараясь не дрожать, как её горничные суетятся вокруг, пытаюсь придать ей ещё более «достойный» вид. Она, должно быть, обмочилась от счастья. Или от страха. Часто это одно и то же.

Мои стражники замерли у дверей, вытянувшись в струнку. Я киваю, и один из них, с каменным лицом, открывает тяжелую дубовую дверь.

Покоюм Элеонор не хватает индивидуальности. Всё как у всех: гобелены с пасторальными сценами, изящная мебель, вазы с цветами. И пахнет тоже цветами.

Она стоит в центре комнаты, одетая в лёгкое платье утреннего покроя. Бледная. Очень бледная. Её руки стиснуты перед собой. Она пытается сделать реверанс, но движение выходит резким, угловатым.

— Ваша... Ваша Светлость, — её голос тонкий, музыкальный, идеально поставленный, дрожит лишь слегка.

— Леди Элеонор, — говорю я, давая своему голосу окра-

ситься тем бархатным тоном, который, как я знаю, женщины находят притягательным. Я подхожу ближе, беру её холодную, неподвижную руку и подношу к губам. Её пальцы похожи на мраморные прутики. — Я пришел, чтобы лично сообщить вам радостную весть. Боги, а точнее, традиция нашего дома, указали на вас. Вы будете моей невестой. Будущей королевой Лоска.

Она замирает. Её глаза, эти красивые, пустые глаза, расширяются. В них нет восторга. Только... паника? Она быстро опускает ресницы.

— Это... величайшая честь, Ваша Светлость. Я... я не знаю, чем заслужила...

— Скромность украшает вас, моя леди, — перебиваю я, отпуская её руку. Она падает, как плеть. — Но факт остается фактом. Отбор завершен. Вам следует готовиться к свадьбе. И к новой жизни.

Я наблюдаю за ней. Она должна ликовать. Плакать от счастья. Бросаться ко мне в ноги. Она делает над собой нечеловеческое усилие и вытягивает губы в подобие улыбки. Это жуткое зрелище.

— Я буду стараться оправдать ваше доверие... и доверие королевства, — говорит она заученную фразу.

«Доверие королевства». Какая чушь. Её выбрал я. Или, вернее, выбрал самый безопасный для себя вариант. Её судьба решена. Она станет моей женой, родит мне наследника и будет тихо существовать на задворках моей настоящей жизни.

ни. Как матушка существует на задворках жизни отца. Всё как должно быть.

— Отлично, — говорю я, уже теряя интерес. — Отдыхайте. Скоро начнутся приготовления. Вас ждут утомительные дни.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, и в этот момент мой взгляд падает на небольшой столик у окна. Там лежит книга. Не модный роман или сборник поэзии, а толстый том в потертом кожаном переплете. Я задерживаю взгляд на корешке: «Хроники великих географических открытий. Том IV. Неисследованные земли к востоку от Лоска».

Это странно. Неожиданно.

Я оборачиваюсь к ней. Она следит за моим взглядом, и на её лице, наконец, появляется настоящее чувство — страх. Чистый, неконтролируемый страх. Она делает шаг, будто хочет заслонить книгу.

— Вы интересуетесь географией, леди Элеонор? — Не нравится мне эта тяга к знаниям.

— Я... это... мне просто любопытно, Ваша Светлость. В свободное время...

Свободное время. У куклы, готовящейся стать королевой, не должно быть свободного времени для таких... нетипичных интересов. Это не вписывается в образ. Это тревожный сигнал.

— Как интересно, — говорю я, и моя улыбка становится холоднее. — Возможно, однажды мы обсудим эти открытия.

Когда у нас будет время.

Я вижу, как она сглатывает, как белеют её костяшки на сжатых кулаках. В её глазах мелькает что-то ещё, не только страх, но и вызов? Нет, не может быть. Это просто испуг.

— Конечно, Ваша Светлость, — шепчет она.

Я ухожу, оставляя невесту в идеальных, безжизненных по-
коях с её опасной книгой. Дверь закрывается за мной.

В коридоре я останавливаюсь, прислонившись к прохладной каменной стене. Что это было? Просто случайность? Любопытство образованной девушки? Или что-то большее?

Неважно. Она мой выбор. Проблемная или нет, она станет моей женой. Я разберусь с её странностями позже. Сейчас главное соблюсти формальности. Свадьба. Коронование. И наконец-то, наконец, трон. А потом... потом я отправлю старого льва на покой и начну править по-своему.

Я отталкиваюсь от стены и иду прочь, но странное, неприятное чувство занозой засело под ребрами. Но у меня нет времени на сомнения. Я должен стать королем. Всё остальное - фон.

Арт Леди Элеонор))

Глава 9

Бархат

Что-то с моей невестушкой не так. Она смотрит на меня не так, как смотрели другие. Как кролик на удава.

Это, разумеется, дело рук Джерома, моего младшего и невероятно надоедливого братца. Кретин с манией величия и дешевым стремлением ко вниманию. Его последняя выдумка про леди Мариэль была шедевром идиотизма. Я действительно иногда звал её к себе. Она была мила, неглупа и умела молчать. Когда её семья устроила ей выгодную партию с герцогом Освальдом, я, естественно, не возражал. Зачем? Она была приятным развлечением, не более. Но Джером, этот мастер выдумки, начал всем трезвонить, будто я, снедаемый ревностью, скормил бедняжку псарням. Абсурд. Мариэль просто тихо и с достоинством уехала к новому жениху. Но, разумеется, правда скучна. А сплетня о жестоком принце сочна и аппетитна. Я, конечно, приложил братца пару раз для вразумления, но слух уже пошел гулять, обрастая новыми жуткими подробностями.

В целом, эти рассказы даже на руку. Пусть боятся. Страх довольно надежный инструмент управления. Но вот когда твоя собственная невеста, которую ты через две недели должен вести к алтарю, смотрит на тебя, как на палача... это уже перебор. Ещё и свадьба. Матушка в своём репертуаре: пре-

вращает предстоящее событие в грандиозное представление с тысячей гостей, тоннами цветов и таким количеством церемоний, что голова идет кругом. Пусть забавляется. Меня это не касается, пока меня не заставляют примерять дурацкие наряды.

Нужно прояснить ситуацию. Успокоить это нервное создание. Найти общий язык. Хотя бы видимость.

Я нашел её в Южном саду. Она сидела на каменной скамье, уставясь в фонтан, и выглядела не просто грустной, потерянной. Как будто её готовятся не к свадьбе, а к казни.

— Леди Элеонор, — окликнул я, приближаясь. — Не составите мне компанию в прогулке?

Она вздрогнула, будто я выстрелил, вскочила, запуталась в подолах и совершила какой-то нелепый полупоклон-полуприсест.

— Ваша светлость! К-конечно. Для вас всегда.

Её голос звучал тонко и надтреснуто. Я предложил руку, она положила на неё свои пальцы, лёгкие, холодные, дрожащие. Мы пошли по гравийной дорожке. Её компаньонка, пожилая дама с лицом сушеного яблока, попыталась последовать за нами.

— Мадам, — остановил я её ледяным тоном. — Нам нужна приватность.

Старуха замерла, потом ретировалась, бросив на Элеонор взгляд, полный тревоги. Интересно, она тоже боится, что я скормлю свою невесту какой-нибудь живности?

Когда мы отошли на приличное расстояние, скрытые за живой изгородью из самшита, я решил перейти к сути. Отбросить церемонии.

— Милая Элеонор, — начал я, стараясь, чтобы голос звучал мягко, почти задушевно. — Мне не понятна ваша... отстраненность. Вы всё время кажетесь такой далёкой, напуганной. Скажите, чего вам недостает? Золота? Драгоценностей? Новых нарядов? Произнесите слово, и всё будет нашим.

Я ожидал робкой улыбки, благодарности, может, легкого заигрывания. Вместо этого она медленно высвободила свою руку из моей. Остановилась. Повернулась ко мне лицом. И посмотрела прямо в глаза.

— Любви, Ваша Милость.

Я чуть не поперхнулся. Что?

— Любви? — Переспросил я, не скрывая изумления.

Ах, вот оно, — промелькнуло у меня в голове. Любовь. Сказки для детей и романы для скучающих дам. Какая прелестная, какая наивная глупость.

— Дорогая, — сказал я, стараясь вложить в голос снисходительное терпение, — как вы можете быть такой... наивной? Вам должны были растолковать ваши родители, что любви в наших кругах не существует. Есть союзы. Договоры. Политика. Вы красивы, молоды, из хорошего рода. Этого вполне достаточно для счастливого, скажем так, взаимовыгодного брака.

Её лицо омрачилось, словно тень накрыла его. Губы сжались. Она не собиралась отступать.

Я вздохнул. Нужно было дать ей какую-то надежду. Пусть и ложную. Ложная надежда - лучший способ успокоить.

— Но знаете, — продолжил я, делая голос ободряющим, — У меня для вас хорошая новость. Если вы вдруг... меня полюбите, я не буду против. Не стану отталкивать ваши чувства. Видите? Не все так мрачно.

Я улыбнулся ей своей самой обаятельной, королевской улыбкой. Той, что, по слухам, сводила с ума пол-двора.

Она не улыбнулась в ответ. Наоборот, в её глазах промелькнула какая-то странная, горькая усмешка.

— Вас? Ваша Светлость, я боюсь вас полюбить. Потому что знаю, чем это может обернуться.

Я едва сдержал раздраженный вздох. Ей-богу, эти идиотские сплетни Джерома! Они уже мешают государственным делам!

— Элеонор, — сказал я, уже теряя терпение. — Давайте поступим так, как должно. Мы поженимся. Всё пойдет своим чередом. Со временем вы привыкнете. Узнаете меня лучше. Поймете, что я не монстр.

Она молчала. Но в её молчании не было покорности. Было сопротивление. Тихое, но упрямое.

И тут до меня начало доходить. Медленно, как холодная вода, просачиваясь сквозь трещины. Её страх был не только перед слухами. Её отстраненность... её грусть в саду...

этот странный интерес к географическим книгам... её слова о любви, которую она от меня не получит...

— Элеонор, — спросил я тихо, опуская все титулы и церемонии. — Ты влюблена в кого-то другого?

Она не ответила. Но ответом мне послужила её реакция, как алая краска залила её щёки и шею, как глаза, полные ужаса, уставились в землю, как пальцы вцепились в складки платья. Да. Разумеется, да. Моя идеальная, безропотная, политически выверенная невеста оказалась влюблена в какого-то проходимца. Возможно, в бедного поэта. Или в красивого стражника. Или, о ужас, в какого-нибудь учёного-географа.

На мгновение я почувствовал нечто вроде... раздраженного любопытства. Какой же он, тот, кто смог разбудить в этой кукле настоящее чувство? Но тут же мысль накрыла волной холодной, практической ярости. Это угроза. Не личная, нет. Государственная. Её чувства могут привести к скандалу. К неверности. К слабости. К рычагу, которым против меня могут воспользоваться враги.

Но сейчас нужно было потушить этот пожар.

— Элеонор, — сказал я, и в моем голосе снова зазвучала твердая, не терпящая возражений нота. — Отбрось все свои чувства и обратись к разуму. Ты избранница. Ты будущая королева. Никакой поэт, никакой солдат не даст тебе того, что дам я. Трон. Власть. Безопасность твоего дома. Ты понимаешь, что твоё... увлечение может разрушить не только

твою жизнь, но и жизнь твоей семьи?

Она подняла на меня глаза. В них стояли слёзы, но она не позволяла им упасть. В них была ненависть. Чистая, немедленная, отчаянная ненависть. Мне было почти приятно её видеть. Ненависть это уже чувство. Это уже не пустота и не страх. С ненавистью можно работать. Её можно направлять. Контролировать.

— Я понимаю, Ваша Светлость, — прошептала она, и каждый слог давался ей с усилием. — Я сделаю то, что должна.

— Вот и умница, — кивнул я. — А теперь пойдем. Тебя, наверное, уже ищут. Помни: улыбка. Всегда улыбка. Для всех.

Я снова предложил ей руку. Она взяла её.

Мы вернулись к фонтану. Компаньонка тут же прильнула к ней, забрасывая тревожными вопросами. Я отпустил руку Элеонор, поклонился.

— До вечера, моя леди.

Она сделала реверанс, не глядя на меня.

Я ушел, оставив её там, у фонтана, с разбитым сердцем и ненавистью в глазах. Отлично. Теперь я знал. Моя невеста не просто испуганная кукла. Она проблемный актив с эмоциональной привязанностью на стороне.

Это нужно было держать под контролем. Очень плотным контролем. И после свадьбы быстро разобраться. Или перевоспитать. Или... найти способ сделать так, чтобы её «увле-

чение» навсегда перестало быть проблемой.

Свадьба через две недели. Время ещё было. Но его становилось всё меньше.

Знакомьтесь, его светлость - младший принц Джером!

Глава 10

Бархат

Вода - это не просто стихия. Это продолжение. Протянутая в мир нервная система. Я чувствую её повсюду: в сырости утреннего воздуха на камнях, в глубоких подземных жилах под замком, в потоках, что бегут по желобам, в крови, что течёт в жилах каждого живого существа в этом зале. Я могу призвать её шепотом, заставить подняться из земли, взять каплю росы и раздуть её в шквальный ливень. Я могу заставить её кипеть или превратить в лед острый, как алмаз. Я могу утопить целую армию в её безмолвных, неумолимых объятиях, не пролив ни капли собственной крови.

Отец доволен мной.

«Чистая сила, сын, — говорит он, глядя, как я в тренировочном зале создаю из ничего водяной смерч, вращающийся со свистом. — Контроль. Точность. Вода — это не огонь, её не бросишь на врага и не сожжешь всё дотла. Ею нужно управлять. Как умный полководец управляет армией. Ты справляешься».

Он прав. Стихии передаются только по мужской линии и только старшему сыну. Благословение и проклятие рода. С моим правлением, уверяют придворные льстецы, Лоск расцветет. Поля будут орошены в засуху, ручьи чисты, а порты свободны ото льда зимой. Народ будет сыт. Это главный ко-

зырь. Пока в каждом доме есть тепло в очаге и хлеб на столе, никакой страх не заставит людей поднять настоящий бунт. Отец это понимает отлично. Поэтому он действует так, как считает нужным: жестоко, но эффективно. Он называет ма-тушку заурядной, а всех остальных расходным материалом. Для него мир делится на полезные инструменты и препятствия. Препятствия устраняются.

Сегодня он вызвал меня на аудиенцию. Официально, чтобы обсудить грядущую коронацию.

Я вхожу в Тронный зал. Это сердце власти, высеченное из гордости и страха. Высоченные своды, расписанные фресками, изображающими триумфы наших предков, теряются в полумраке. Гигантские колонны из чёрного мрамора, привезенного с южных островов, уходят вверх, словно стволы каменного леса. Между ними горят факелы в железных раструбах, их отблески скользят по полированному полу из того же мрамора, создавая иллюзию движения, как будто идешь по чёрной, застывшей реке. В конце зала, на возвышении в семь ступеней, стоит трон. Не позолоченное кресло, а массивное, угрюмое сооружение из того же черного камня, инкрустированное серебряными жилками, повторяющими узоры молний. За ним огромное витражное окно, изображающее Великого Озона, благословляющего первого короля Лоска. Когда солнце стоит высоко, свет, пробиваясь через цветное стекло, окрашивает трон и сидящего на нем в багряные, синие и золотые тона, делая его живой иконой. Сейчас, вечером, окно

лишь темное пятно, а трон поглощает свет факелов, оставаясь угрожающей чёрной глыбой.

Отец сидит на нем. Не откинувшись, а выпрямившись, положив руки на подлокотники, высеченные в виде голов грифонов. Он в парадном камзоле, но без короны, та надевается лишь для самых торжественных случаев. Его лицо, изрезанное морщинами, как руслами высохших рек, выражает беспокойность.

Я подхожу, кланяюсь, не слишком низко, но достаточно почтительно.

— Сын, — его голос, хриплый от возраста и табака, раскатывается под сводами. Он звучит громче, чем есть на самом деле, эхом отражаясь от камня. — Садись.

Он указывает на небольшой стул справа от трона. Я сажусь. Между нами пропасть в два шага и двадцать пять лет жестокого опыта.

— Ты станешь достойным королем, — начинает он без предисловий. Его глаза, цвета потухшего угля, изучают меня. — Сила у тебя есть. Ум есть. Но короны держатся не только на этом. Народ судачит. — Он делает паузу, и уголок его рта дергается в подобии улыбки. — Они уже прозвали тебя Каэлом Жестоким. Слышал?

— Слышал, отец.

— Это не худшее прозвище, — продолжает он. — Жестокый. Это предупреждение. Это значит, что тебя боятся. А страх — это уважение в его самой чистой форме. Ты должен

взять в свои руки борозды правления твердо. Без сомнений. Без слабости. Огонь мой выжигал сорняки. Твоя вода должна... направлять. Орошать то, что полезно, и топить то, что мешает.

Я киваю, глядя на свои руки. Я и в половину не так жесток, как ты, — думаю я. Если обо мне лишь ходят слухи, порожденные болтовней идиота-брата, то отец в прямом смысле сжигал неугодных. Целые семьи, заподозренные в заговоре. Целые деревни, отказавшиеся платить непомерную дань. Его прозвище «Смелый» он получил после победы над солжарийцами. Мало кто знает, как именно была выиграна та война. Как он приказал отравить источники воды в их столице, обрекая на медленную смерть от жажды десятки тысяч женщин, детей и стариков. Победа была тотальной. И кого волнует цена? Историю пишут победители.

И конечно же, мой дорогой отец не подозревает, что как только корона коснется моей головы, первым моим приказом будет не благодарственная речь, а тихий, отданный Грегори приказ. Убрать его. Аккуратно. Без шума. Старый король не переживет радости от коронации сына. Печально, но что поделать. Его методы устарели. Его огонь погас, оставив лишь дым и пепел. Лоску нужна новая эра. Моя эра.

Мы обсуждаем детали, гостей, церемониал, клятвы. Все это скучно и предсказуемо. Он говорит, я киваю. В голове уже строятся планы: кого оставить из его советников, кого убрать, как перестроить налоговую систему, чтобы не вы-

звать бунта, но увеличить доходы.

После аудиенции я направляюсь на празднество в честь помолвки. Оно проходит в Бальном зале, где море света, музыки и звона бокалов. И скука. Давящая, как свинцовый плащ.

Элеонор сидит рядом со мной на почетном возвышении. Она одета в нечто голубое и струящееся, усыпанное жемчугом. Она картинка. Идеальная, неподвижная, с застывшей на лице улыбкой. Но я вижу, как напряжены её плечи, как белы костяшки её пальцев, сжимающих веер. Она сидит как на иголках. Каждое моё движение, каждый мой взгляд в её сторону заставляет её внутренне содрогаться. Хорошо. Пусть боится. Страх держит в узде.

Моя матушка парит рядом, как изящная, седая птица. Она наклоняется к Элеонор, что-то шепчет ей на ухо. Наверняка очередное наставление о том, как себя вести, что говорить, как улыбаться. Элеонор кивает, улыбка на её лице становится ещё более натянутой. Матушка довольна. Она видит в ней своё послушное продолжение.

Я ловлю взгляд Элеонор. Она быстро отводит глаза, но не раньше, чем я успеваю увидеть в них ненависть, что была в саду. Отлично. Со временем, когда она поймет бесполезность сопротивления, ненависть может переродиться в холодную покорность. А там, глядишь, и в полезную союзницу. Если, конечно, её глупое увлечение не сведет её в могилу раньше.

Я поднимаю бокал. Музыка смолкает. Все взгляды обращаются ко мне.

— За будущую королеву Лоска! — Провозглашаю я, и мой голос, усиленный магией, звучит на весь зал, чистый и холодный, как горный поток. — За леди Элеонор!

Тысяча голосов подхватывает тост. Гром аплодисментов. Элеонор принуждают встать. Она делает это, едва не опрокинув бокал. Поднимает его дрожащей рукой. Улыбается. Её глаза пусты.

Я смотрю на это море лиц, на этих льстивых, трусливых, алчных людей. Скоро они будут моими. Скоро всё это будет моим. И первым делом я выброшу на свалку самого главного тирана из всех. Моего отца.

А пока... пока нужно доиграть эту комедию до конца. Я оборачиваюсь к Элеонор, делаю вид, что нежно поправляю прядь волос у её виска. Она замирает, как птица в когтях кошки.

— Улыбайся, дорогая, — шепчу я так, чтобы слышала только она. — Для них. Всегда для них.

Арт Короля Вильгельма Смелого и королевы Марии))

Глава 11

Бархат Настоящее время.

Это создание напротив меня такое напуганное. Оно сидит, закутанное в плащ, стараясь занять как можно меньше места, будто хочет раствориться в обивке кареты. Не смотрит на меня. Дышит так тихо, что я периодически ловлю себя на мысли, проверяя жива ли ещё. Эта безмолвная, всепоглощающая робость... меня это начинает раздражать. И в то же время забавлять. Как будто я везу с собой испуганного лесного зверька, который замер, почуяв запах хищника.

Мои мысли возвращаются к главному. Элеонор. Моя бестолковая, влюбленная в кого-то невеста. Как только мы её вернём, я лично найду того, кто осмелился её похитить или, что более вероятно, с кем она сбежала по своей глупой воле. И убью его. Медленно. Изобретательно. Использую для этого воду, не для быстрой казни, а для долгой мучительной пытки. Пусть почувствует, что значит перечить воле короны.

А саму Элеонор... да, её придется наказать. Жестко. Не физически, разумеется, шрамы на будущей королеве неуместны. Но есть другие способы сломать дух. Изоляция. Унижение. Постепенное стирание всего, что было ей дорого. Она научится послушанию. Она должна.

Грегори, мой верный каменный истукан, уже выследил направление. Королевство Зимы. Логично. Далеко, холодно,

непопулярно у наших шпионов. Добираться три дня. День на поиски. Три дня обратно. Идеально вписывается в наш мифический романтический побег. Как раз успею к свадьбе. Пусть все думают, что мы так влюблены, что не смогли дождаться церемонии. Глупо, но романтично. Народ это съест.

А пока... пока у меня на руках эта замена. Эллис. Мы делаем короткий привал. Карета остановилась на окраине небольшой рощицы. Она сидит, не шелохнувшись, ждет приказа выйти, как солдат на посту. Я смотрю на её бледный профиль, на губы, плотно сжатые от напряжения.

Зачем я вообще везу её с собой дальше? Ведь обратно я вернусь с настоящей Элеонор. Эта простушка станет не нужна. Поначалу план был прост и жесток: использовать, а затем избавиться где-нибудь в глуши. Выкинуть из кареты, как ненужный балласт. Но когда я увидел эту маленькую, грязную фигурку с тряпкой в руках, с глазами, полными такого первобытного ужаса, что даже мне стало неловко... Я передумал. Нет, не совесть. У меня её нет. Простой практический расчет. Убийство невинной, пусть и совершенно ничемной, служанки на ровном месте не достойно будущего короля. Это оставляет следы. Эмоциональные, если не физические. А потом Грегори принес досье, оказывается, у этой замухрышки есть досье, пусть и в два слова: «Эллис, поломойка, сестра Лора, общая каморка, Флоренс», я узнал, что у неё есть сестра.

Она не виновата, что попала под горячую руку в момент,

когда Грегори объявил о пропаже. Она была просто удобным прикрытием под ногами. Но её испуганные глаза, полные бездонного, немого ужаса, почему-то напомнили мне... Элеонор. Только у этой не было и намека на сопротивление. Только чистая, беспомощная покорность судьбе. Это было... интересно. Как чистый лист. На котором можно написать что угодно.

Я и понятия не имел, что во дворце, под боком, живет такая архаика. Госпожа Флоренс, конечно, молодец. Держит свой цех в такой чистоте и невидимости, что даже я, принц, не подозревал о существовании этого полуподвального уровня рабства. Отец, я уверен, в курсе и одобряет. Эффективно. Дешево. Никаких лишних глаз. Но когда я стану королем такого не будет.

Ладно. Решение созрело. Когда вернемся, я представлю Эллис как личную служанку Элеонор, нанятую во время нашего путешествия. Мол, невесте приглянулась скромная девушка. Это объяснит её появление. А сама Эллис получит свою награду, переход из поломоек в горничные. Для неё это будет как прыжок в рай. Она должна быть благодарна. И молчалива.

— Эй, выходи, — говорю я, открывая дверцу. Холодный воздух врывается внутрь. — Нужно размяться. Засидишься, затекают ноги.

Она послушно выползает, спотыкаясь о подол платья. Первый снег, хрупкий и нежный, уже запорошил дорогу и

поля вокруг. Он хрустит под её непривычными туфлями. Она стоит, озираясь, как будто впервые видит мир. Возможно, так оно и есть.

Я подзываю носильщика. Рыжеволосый долговязый юноша, которого Грегори приставил для чёрной работы. У него припасы. Он подбегает, стараясь не выглядеть слишком растерянным, и протягивает мне небольшую плетеную корзинку: хлеб, сыр, пара яблок, кожаный бурдюк с вином.

И тут происходит неожиданное.

— Лука! — Вырывается у Эллис тихий, но отчетливый возглас. В её голосе неподдельное изумление и... радость?

Носильщик смотрит на неё. Его угрюмое лицо меняется. На нем появляется темлая, узнающая улыбка. Лука, — мысленно ставлю я галочку. Имя. Связь.

— Маленькая Эллис? Это... ты? — Бормочет он, бросая на меня испуганный взгляд.

Она тут же понимает, что совершила ошибку. Её рука тянется ко рту, глаза расширяются от ужаса. Она замирает, готовая провалиться сквозь землю.

Вот отлично. Не хватало мне здесь любовной драмы между слугами. Возлюбленный, работающий носильщиком? Как трогательно.

Я не подаю виду, что заметил эту сцену. Просто беру из корзинки хлеб, простой, дорожный, но для неё, наверное, лакомство. Разламываю буханку пополам и протягиваю ей.

— На, поешь, — говорю я, делая голос нарочито обыден-

ным. — Не бойся. А то останешься голодной.

Она берет хлеб, сжимая его так, будто это самое ценное в её жизни. Потом начинает откусывать крошечные кусочки, стараясь делать это незаметно, изящно. Получается смешно и жалко.

Привал заканчивается быстро. Пора двигаться. Мы снова забираемся в карету. Дверца закрывается, отсекая мир и Луку. Карета трогается.

И тут я замечаю, что она дрожит. Небольшая, почти незаметная дрожь в плечах, в руках, сложенных на коленях. Не от холода, в карете достаточно тепло. Я могу поддерживать приемлемую температуру, нагревая воздух вокруг.

— Тебе холодно? — Спрашиваю я.

Она тут же, испуганно, отрицательно качает головой. Нет, не холодно. Тогда что? Страх? Волнение от встречи с Лукой? Предчувствие?

Я смотрю на это тщедушное создание в шелках, которые всё равно сидят на ней, как на вешалке. Она дрожит, как осиновый лист. И внезапно мне становится... интересно. Что там, за этой гримасой ужаса? Есть ли там что-то, кроме инстинкта выживания? Сможет ли этамышь когда-нибудь посмотреть на меня без страха?

Пока не знаю. Но дорога длинная. У меня есть время, чтобы выяснить.

Арт Луки, сына Бэтти и друга детства Эллис))

Глава 12

Прах

Молчание в карете было натянуто, как струна перед обрывом. Я сидела, стараясь не дышать слишком громко, и украдкой наблюдала за принцем. Он смотрел в окно, но его внимание казалось мне рассеянным. Не на пейзажи — он их не видел. Он думал о чём-то своём. О потерянной невесте, о троне, о сложных играх, которые мне было не понять.

И вдруг он повернулся. Его стальные глаза остановились на мне, и во взгляде появилось что-то новое — не раздражение, а скушающая, почти ленивая любознательность. Как если бы человек, запертый в комнате, начал изучать узоры на обоях.

— Эллис, — произнёс он моё имя так, будто пробовал его на вкус, и оно казалось ему странным, но забавным. — Как давно ты работаешь во дворце?

Вопрос был простым. Прямым. От него нельзя было отвертеться.

— Всю жизнь, Ваша Светлость, — выдохнула я, опуская глаза на свои новые, чужие руки.

— Что ж, — сказал он, откидываясь на спинку и скрещивая руки на груди, — поведай же мне свою историю. Раз уж мы в дороге, и раз уж ты — мой временный попутчик.

Паника зашевелилась где-то в глубине, но уже не такая

острая. Он хотел поговорить. Просто поговорить. Чтобы убить время. Это было лучше, чем если бы он просто молчал и думал о том, как меня утилизировать.

— Ваша Милость, мне и рассказать-то нечего, — робко начала я. — Боюсь, моя жизнь покажется вам слишком неинтересной и убогой.

Он смотрел на меня, и в уголке его глаза появилось что-то похожее на насмешку, но не злую. Скорее, удивлённую.

— Ты боишься меня? — Спросил он прямо, как будто это был факт, который просто нужно было подтвердить.

— Да, Ваша Светлость, — призналась я честно. Страх был единственным, что я могла ему предложить с полной уверенностью.

— Ну что ж, — он пожал плечами. — Ты хотя бы умеешь разговаривать. Говори. Мне скучно.

И он был прав. Какая мне теперь была разница? Молчать, врать или говорить правду. Если бы он решил, что я больше не нужна, результат был бы один. Так пусть хотя бы узнает. Узнает, что мы, невидимки, существуем. Узнает о нашей бедной, крошечной жизни. Пусть это будет мой последний, тихий бунт, рассказ о пыли, которую все топчут, но без которой не было бы блеска на полу.

Эта мысль придала мне небывалой решимости. Я сделала тихий вдох и начала. Голос звучал неуверенно, тихо, но он был.

— Меня и мою сестру Лору подкинули под стены дворца.

Я была постарше, а Лора совсем младенцем. По крайней мере, это то, что нам рассказала Госпожа... хозяйка Флоренс.

Я сделала паузу, ждала насмешки, но он просто слушал, его лицо было непроницаемо.

— Мы росли вместе с детьми других слуг. Нас кормили остатками с кухни, а за нами ухаживала ночная кухарка Бэтти. Она... заменила нам мать. Она учила нас, рассказывала истории, прятала от гнева хозяйки.

Я говорила о Бэтти, и тёплая волна благодарности пробила лёд страха. Я даже осмелилась на мгновение поднять взгляд. Он не прерывал.

— Но когда мне исполнилось десять лет, хозяйка определила нас мыть полы. И с тех пор ничего не изменилось. Мы моем полы. Каждую ночь. От заката до рассвета.

Впервые я озвучила это вслух не в шепоте с Лорой или Бэтти, а перед тем, кто был причиной всей этой системы. И это странно освобождало.

Он кивнул, как будто слышал ожидаемый ответ. Потом задал следующий вопрос, и в его голосе звучало не столько сочувствие, сколько холодное, аналитическое любопытство:

— Тебя устраивает жизнь, которую тебе даровал двор?

Вопрос обжёг. Он бил прямо в сердце той маленькой, спрятанной обиды, которую я даже себе никогда полностью не признавала. Устраивала? Господи, конечно, нет! Меня не устраивал голод, холод, побои, унижение, чувство полной никчёмности. Но я была пыль. Кто я такая, чтобы жаловать-

сы? Жаловаться на милость, что нас вообще взяли с улицы и не дали умереть?

Я открыла рот, чтобы выдать привычную, безопасную фразу о смирении и благодарности. Но слова застряли в горле. Вместо них вырвалась правда, согретая мыслью о самом главном человеке.

— Ваша Светлость, моя сестра... — начала я, и голос задрожал. — Она... она такая маленькая и хрупкая. Всё, что я делаю, я делаю для неё. Чтобы её не трогали. Чтобы ей было хоть чуточку легче. Если бы не Лора...

Он перебил меня. Не грубо, а быстро, как будто отмахиваясь от несущественной детали.

— А не волнуйся, с ней всё в порядке будет. — Его голос звучал почти равнодушно, как констатация факта. — Перед отъездом я распорядился, чтобы ей дали выходные. Хорошенько накормили и отмыли. И её никто не тронет.

Я замерла. Воздух перестал поступать в лёгкие. Он... что? Он отдал приказ о Лоре? Он позаботился?

— Когда мы вернёмся, я вознагражу тебя за помощь в этом деле, — продолжил он тем же ровным тоном, глядя куда-то мимо меня. — Ты и твоя сестра получите новую работу. Более лёгкую. Более... чистую. Ты мне помогла, я плачу по счетам.

Хвала Озону. Слава всем богам. Ярость солнца и милость звёзд. Гора, целая гора страха и отчаяния, сползла с моей спины и разбилась в пыль на полу кареты. Он не собирался

меня убивать. Более того, он позаботился о Лоре. Он пообещал. Принц. Его слово было законом.

Слёзы, горячие и солёные, подступили к глазам. Я быстро опустила голову, чтобы он не увидел.

— Спасибо вам, Ваша Милость, — прошептала я, и голос сорвался от переполняющих чувств. — Я и не надеялась... Но вы сказали, что с ней что-то может случиться, если...

Он лишь ухмыльнулся. Коротко, беззвучно. Это не была добрая улыбка. Она была самодовольной, почти хищной. Но в моем ослеплении облегчением я почти не заметила этого. Затем он отвернулся к окну, давая мне понять, что аудиенция окончена. Разговор был исчерпан.

Но для меня мир только что перевернулся. Свет пробился сквозь толщу чёрных туч. Я сжала руки на коленях, чтобы они не дрожали от восторга. Лора в безопасности. Её кормят. За ней, возможно, даже ухаживают. Лука был здесь, рядом, он живой и здоровый, он улыбался мне! Бэтти будет так счастлива, когда мы вернёмся все вместе, и я расскажу ей эту невероятную историю. И обещание принца... Новая работа. Награда. Мы с Лорой, возможно, больше никогда не будем драить полы. Мы сможем спать по ночам. Есть досыта.

Внезапно я поняла, как сильно я хотела, чтобы мы нашли леди Элеонор. Быстрее. Пусть всё идёт по его плану. Пусть он найдёт свою невесту, накажет тех, кто виноват в её исчезновении, и мы вернёмся в замок победителями. И тогда начнётся наша новая жизнь. Настоящая жизнь.

Я смотрела на профиль принца, освещённый мерцающим светом, пробивавшимся сквозь занавеску. Он выглядел таким... спокойным. Решительным. Может, под этой холодной маской скрывалось что-то ещё? Может, справедливость? Он сдержал своё слово относительно Лоры.

В душе, ещё недавно полной льда и мрака, теплился маленький, хрупкий, но упрямый огонёк надежды. Всё образуется. Должно образоваться.

Ведь он пообещал.

Арт к главе прилагаю!))

Глава 13

Прах

Второй день в дороге. Как ни странно, я отдохнула больше за эти двое суток, чем за всю свою предыдущую жизнь. Никто не кричал, не бил, не заставлял скрести камень до кровавых мозолей. У меня была теплая карета, мягкое сиденье, еда, которую давали без унижений. Это была роскошь, о которой я и мечтать не смела.

Принц большую часть времени молчал, погруженный в свои мысли. Иногда он бросал на меня взгляд, и в его стальных глазах я читала не презрение, а... жалость. Отстраненную, холодную, как взгляд на раненого щенка на дороге. Это было не самое приятное чувство. Если бы я была благородных кровей, наверное, сочла бы это оскорблением. Но я была собой. И жалость от принца всё же казалась лучше, чем плеть от хозяйки. Я говорила только тогда, когда он спрашивал. Старалась быть тише воды, ниже травы. Мне даже стало немного спокойно в этой роли невидимого попутчика.

В карете было удивительно тепло, несмотря на зимний холод за окном. Я сначала думала, что это из-за хорошей обивки, но нет. Тепло исходило будто из самого воздуха, равномерное, живое. Магия? Стихия принца? Бэтти говорила, правящая династия владеет силами. Мне было безумно интересно узнать, какая у него. Вода, как шептали в народе?

Или что-то другое? Но спросить, конечно, я не смела и на полуслове.

Принц выглядел сосредоточенным и немного уставшим. Он почти не обращал на меня внимания, и я решила немного вздремнуть. Качание кареты убаюкивало. Я устроилась поудобнее, закрыла глаза...

И мир взорвался.

Карета резко дернулась и остановилась с таким скрежежом, что меня бросило вперед. Я вскрикнула, хватая за сиденье. Принц, до этого полу-дремавший, мгновенно пришел в себя. Его глаза стали острыми, как лезвия. Он посмотрел на меня с непониманием на долю секунды, а затем с холодной ясностью.

— Сиди здесь. Не выходи. Не шуми, — отчеканил он, и его голос не терпел возражений. В следующее мгновение он уже выскочил наружу, захлопнув за собой дверцу.

И тут до меня донеслись звуки. Не крики, а короткие, резкие окрики. Лязг металла о металл — резкий, сухой, страшный. Приглушенный стон.

На нас напали.

Страх, который затих за последние часы, вернулся с утренней силой. Он сковал горло ледяной рукой, сжал лёгкие. Я прижалась спиной к стенке кареты, обхватив себя руками. Мне хотелось кричать, но звук застревал внутри. Я боялась выглянуть в окно. Боялась увидеть.

Бой снаружи длился недолго. Может, минуту. Может, две.

Потом наступила тишина. Гробовая, неестественная тишина, нарушаемая только завыванием ветра.

Никто не стучал в дверь. Никто не звал. Принц не возвращался.

Прошла ещё минута. Две. Молчание давило на уши, становилось невыносимым.

Я не могла сидеть здесь, как мышь в ловушке. Я должна была узнать, что случилось. Хотя бы выглянуть.

Дрожащими руками я отодвинула тяжелую занавеску на своем окне и припала к стеклу.

Первое, что бросилось в глаза — алая кровь. Яркая, ужасающе живая на фоне белого, нетронутого снега. Её было много. Не лужа, а целые размазанные полосы, будто кто-то волочил что-то тяжелое. Мой взгляд скользнул дальше.

Два тела в плащах стражников. Маркус и Вильям. Они лежали неестественно, один навзничь, с широко открытыми пустыми глазами, уставленными в свинцовое небо, другой скрючившись. Кровь окрашивала снег вокруг них. Кучер... его не было на облучке. Я отважилась выглянуть чуть дальше и увидела его сапоги, торчащие из-под колеса нашей же кареты. Он не двигался.

И ещё... повозка с припасами была отцеплена и оттащена в сторону. Одна из наших лошадей, та, что была слева, лежала на боку. Её могучий бок судорожно вздымался, из открытой раны на шее сочилась алая пена. Она ещё была жива, но её дыхание — хриплое, прерывистое предсмертное кло-

котание. Вторая лошадь исчезла.

Ни принца, ни нападавших, ни... Луки.

Карета стояла посреди лесной дороги, брошенная, без лошадей, без защиты. Внутри мгновенно стало холодно. Та магическая теплота исчезла вместе с принцем. Ледяной воздух просачивался сквозь щели, обжигал лицо.

Что мне делать? Паника поднималась комом в горле. Я была одна. В глухом лесу. С мертвыми телами вокруг. Принц исчез. Его либо убили и утащили, либо... он сбежал? Нет, не могло быть.

Инстинкт велел оставаться в карете, но это была стальная ловушка на колесах. Здесь меня нашли бы первым делом.

Я, преодолевая оцепенение, открыла дверцу и вывалилась наружу. Холодный воздух обжег легкие. Запах крови и снега смешался в тошнотворный коктейль. Я осторожно, стараясь не смотреть на мертвых стражников, подошла к раненой лошади.

Её большие, темные глаза смотрели на меня с немим вопросом и страданием. В них отражалось мое собственное отражение — бледное, перекошенное ужасом лицо в дорогом платье. Мне стало невыносимо жаль это прекрасное, сильное животное, ставшее разменной монетой в чужой игре.

— Тише, тише, маленькая, — прошептала я, опускаясь на колени в снег, не обращая внимания на холод и на дорогой шелк. Я протянула руку, погладила её горячий, вздрагивающий бок. — Всё будет хорошо.

Слёзы, которых я боялась, прорвались наружу. Они текли по моим щекам, горячие и соленые, капали на окровавленный снег. Это были слёзы не только за лошадь. Это были слёзы за всю эту нелепую, жестокую неразбериху. За убитых людей, которые всего лишь выполняли приказ. За разрушенную хрупкую надежду, что всё образуется.

Почему? Почему напали на королевскую карету? Кто посмел? Разбойники? Но они бы ограбили карету, а она была нетронута. Враги короны? Тогда где тело принца? Или... или это было целенаправленное нападение на него? Похищение?

И где Лука? Его тела не было среди мертвых. Он сбежал? Его взяли? О, Великий Озон, пожалуйста, только не это.

Я осталась сидеть на снегу рядом с умирающим животным, бессильная и совершенно одна. Лес вокруг молчал, будто притаился, наблюдая. Ветер шелестел голыми ветвями, насмехаясь над моей беспомощностью.

Куда идти? Что делать? Ждать, пока кто-то ещё придет? Но кто? Другие разбойники? Дикие звери?

Лошадь вздрогнула в последний раз и затихла. Её глаза остекленели.

Я осталась одна среди мертвых в белой, безмолвной пустоши. И страх сменился всепоглощающим одиночеством и ожиданием такой ужасной кончины. Где же ты, принц?

Визуал к главе:

Глава 14

Прах

Время потеряло смысл. Оно тянулось, как смола, холодное и липкое. Я сидела в остывшей карете, прижав колени к подбородку, и смотрела в одну точку на стене напротив. Дрожь шла изнутри, мелкая, неконтролируемая, леденящая кости сквозь тонкий шёлк платья. Плащ еле согревал. Я уже не плакала. Слёзы замерзли, превратились в ледяные осколки, которые резали при каждом вдохе.

Я смирилась. Это был тихий, пустой акт. Я провела всю жизнь в ожидании удара, и вот он настал — не плеть хозяйки, а бескрайнее, равнодушное безмолвие леса. Меня бросили. Меня забыли. Или сочли не стоящей того, чтобы забрать. Я была как эта карета — бесполезный, брошенный снаряд в чужой войне. Я ждала, когда холод закончит то, что начали разбойники. Или когда придут волки. Или когда просто перестанет биться сердце от страха и безнадёжности.

И вдруг, скрип. Резкий, громкий в этой мертвой тишине. Дверца кареты дернулась и распахнулась.

Я вскрикнула, инстинктивно отпрянув в угол, зажмурившись.

— Эллис.

Голос. Его голос. Низкий, хрипловатый, но живой. Я открыла глаза.

В проёме двери, на фоне бледного зимнего неба, стоял он. Принц Каэл. Его лицо было бледнее обычного, на щеке темнел свежий кровоподтек, а дорожный кафтан в нескольких местах был порван, и сквозь разрывы виднелась тёмная ткань рубашки. Он дышал немного чаще обычного, и в его стальных глазах, обычно таких холодных, я увидела напряжение. Не было ни злобы, ни раздражения. Была острая, сосредоточенная оценка ситуации. Он смотрел на меня, будто проверяя — цела ли.

Затем, не говоря ни слова, он сбросил с себя свой тяжёлый, подбитый мехом плащ и накинул его мне на плечи. Он был похож на тот что у меня, только более тёплый и большой. Ткань пахла кожей, холодным воздухом, дымом и металлом, что могло быть кровью. Но главное, она несла невероятное, почти живое тепло. Тепло его тела? Или его магии? Плащ обволакивал меня, как горячая ванна в покоях принца, прогоняя ледяную дрожь до самых костей.

— Эллис, ты как? — Спросил он, и в его голосе прозвучала редкая, почти неуместная забота.

Я замерла. Мой мозг отказывался обрабатывать это. Он вернулся. Он накинул на меня свой плащ. Он спрашивает, как я.

— Я... я в порядке, Ваша Милость, — прошептала я автоматически, пальцы вцепляясь в теплую подкладку плаща. И тогда, движимая жгучим, неотложным любопытством, которое пересилило страх, я осмелилась. Я задала вопрос. Пер-

вый вопрос с момента нашей встречи в коридоре, когда он велел мне бросить тряпку.

— Что случилось?

Он отвел взгляд, осматривая окрестности быстрым, военным взглядом. Его лицо стало жестким.

— Разбойники. Хорошо организованные. Не простой сброд. Напали, убили стражу и кучера, угнали одну лошадь и повозку с припасами. — Он сделал короткую паузу. — Я догнал их. И убил всех.

Он произнес это так просто, так буднично, как будто говорил о том, что расписался в бумагах. Ни тени сожаления. Ни тени триумфа. И в этой простоте было больше ужаса, чем в самых страшных историях Бэтти.

Но это объясняло лишь часть. Не объясняло главного.

— Я не знаю, как же теперь нам быть и куда идти, — проворчала я, больше для себя, оглядывая брошенную карету, мертвых лошадей, пустую, заснеженную дорогу.

— Вставай, — скомандовал он резко, прерывая мои мысли. — Нам нужно уходить. Сейчас.

Его тон не оставлял места для раздумий. Я послушно выбралась из кареты, спускаясь на окровавленный снег. Плащ был настолько большим, что волочился по земле, но его тепло было спасительным. Я больше не чувствовала пронизывающего холода. Это было не просто тепло ткани. Оно исходило изнутри плаща, как от живого существа. Его магия? Стихия? Неважно. Это было чудо.

— Ваша милость, а что же нам теперь делать? — Спросила я, поспешая за ним, когда он быстрым шагом направился к краю дороги, в сторону густого леса.

— Нужно найти укрытие. Скоро стемнеет, а в лесу ночью не выжить.

Я кивнула, пытаясь не спотыкаться о плащ и непривычную обувь. Мой взгляд невольно метнулся туда, где должна была быть повозка с Лукой. Его тела среди погибших я не видела.

Принц, будто угадав мои мысли, не оборачиваясь, бросил через плечо:

— Твой друг выжил. Я дал ему лошадь и велел скакать назад, в замок, к Грегори. Передать, что нужна помощь, и указать, где искать.

Лука жив. Слава Озону. Он в безопасности. Он едет за помощью. Значит, не всё потеряно. Но новая волна тревоги накрыла меня.

— Мы отстаем от Элеонор, — продолжил принц, прокладывая путь через глубокий снег к более плотному участку леса. Его голос был ровным, но я слышала в нем скрытое раздражение, досаду. — У неё была фора всего в один день пути. А теперь... теперь она доберется до границ Зимы быстрее. Я должен нагнать её.

Перед тем как уйти с места побоища, принц замер, осматривая грустную картину. Его взгляд скользнул по дороговому, но теперь порванному и запачканному кафтану, а затем пе-

решил к телам стражников в их практичных, прочных латах.
— Подожди здесь, — бросил он мне и направился к одному из мертвых солдат — тому, что был повыше ростом.

Я отвернулась, слыша, как скрипит замерзшая ткань и металл. Через несколько минут он вернулся. Теперь на нем были кожаные поножи, нагрудник и наплечники поверх его собственной тёмной рубашки. Лат было неполный комплект, но достаточно, чтобы выглядеть как простой, но хорошо экипированный воин-наемник, а не как королевская особа. Волосы он стянул грубым кожаным шнуром. Довольно умный ход. В его дорогой одежде мы были бы мишенью для любого, кто её увидит. В этих латах — просто проезжие, пусть и подозрительные.

Он также собрал то небольшое, что осталось от разграбленной повозки: пару почти пустых мешков, из которых торчали краюха черствого хлеба и кусок копченого сала. Из кареты он вытащил толстую, мягкую подстилку, на которой мы сидели, и всучил её мне.

— Неси. Пригодится.

Мы шли несколько минут в тишине, продираясь сквозь заснеженный подлесок. И тогда в голове созрел самый главный, самый неудобный вопрос. Вопрос, на который я боялась услышать ответ, но не задать его уже не могла.

— Но ведь теперь я для вас балласт... — начала я тихо, едва успевая за его длинными шагами. — Почему... почему

вы вернулись за мной?

Он остановился так резко, что я чуть не врезалась в него. Обернулся. Его лицо, освещенное косыми лучами уходящего солнца, казалось вырезанным из льда. Но в его глазах, когда они встретились с моими, не было ни ледяного расчета, ни презрения.

— Потому что я не оставляю тебя здесь умирать, — сказал он просто, без пафоса, как будто это было самым очевидным правилом на свете. — Идём. Нужно найти пещеру или хотя бы густую ель, пока есть свет.

Он снова повернулся и пошёл, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, утопая в снегу и в его плаще, в тепле, которое он мне дал, и в словах, которые переворачивали все мои представления о нем.

Он не оставил меня умирать. Он вернулся. Впервые за всю мою жизнь кто-то, обладающий властью, не выбросил меня, как мусор, когда я стала неудобной.

Он вернулся.

Визуал к главе:

Глава 15

Прах

Принц шёл быстро, уверенно, прокладывая тропу через глубокий снег, а я, задыхаясь, волоча его огромный плащ и нелепую подстилку, едва поспевала за ним. Мы шли уже около часа, направляясь, как мне казалось, в никуда. Лес сгущался, солнце клонилось к горизонту, окрашивая снег в кроваво-оранжевые тона. Нужно было найти укрытие. И скоро.

И тогда вдалеке, сквозь чёрный частокол елей, показался тёмный, зубчатый силуэт скалы, одинокой горы, вросшей в равнину. Принц, не говоря ни слова, изменил курс и повернул прямо к ней. Он не прогадал. Подойдя ближе, мы обнаружили в основании скалы глубокую расщелину, почти пещеру, скрытую свисающими ледяными сосульками и снежным навесом.

Внутри было темно, сыро и тесно, пространства хватало чтобы поместиться вдвоем. Пол был каменным, усыпанным щебнем и сухими листьями, занесенными ветром. Но место выглядело так... будто здесь уже мог кто-то обитать. Но никого не было. Следов свежего костра или помета тоже.

— Здесь и устроим привал, — сказал принц, сбрасывая с плеч мешки и осматривая стены скупым взглядом. — Мне нужно выспаться. Мне *важно* выспаться.

Фраза прозвучала как важный приказ самому себе. Он вы-

глядел бледным под слоем грязи, и в его глазах, обычно таких острых, читалась глубокая, накопленная усталость.

Я молча принялась за дело. Развернула тёплую подстилку из кареты на самом ровном месте у дальней стены. Сверху набросила его плащ, на двоих, наверное, хватит. Получилось подобие примитивной, но многослойной постели.

— Я... я могу охранять ваш сон, Ваше Величество, — предложила я робко. В конце концов, это всё, что я сейчас могу сделать.

Он усмехнулся, коротко и беззвучно.

— Мой сон будет довольно... глубоким. Я истратил много ресурсов в драке. Ничего серьезного, — добавил он, заметив, должно быть, мой испуганный взгляд. — Но мне нужно восстановить энергию. А это означает, что я должен уснуть. И крепко.

Он сделал паузу, глядя на меня так, будто оценивая, пойму ли я.

— Знай, что ты не сможешь меня разбудить никоим образом. Я буду вне доступа. И тебе придется пару часов подождать, пока я не восстановлю силы.

Я кивнула, проглатывая комок в горле. Значит, на несколько часов я останусь одна с беспомощным принцем в глухой пещере. Отличная перспектива.

И тут моё любопытство пересилило страх. Я уже и так в такой переделке, что хуже, наверное, не будет.

— Ваша светлость... ваши силы... — начала я, не решаясь

закончить.

Он посмотрел на меня, с толикой усталой снисходительности.

— Вода. Моя стихия вода. Поэтому, прежде чем уснуть, я наполню для тебя флягу. — Он достал из-за пояса пустую металлическую флягу, которую взял у стражника. Закрыв глаза, сосредоточился. В ладонях у него, из ниоткуда, появилась тонкая струйка чистейшей, прозрачной воды. Она наполняла флягу без единого звука, будто рождаясь прямо из воздуха. Когда она была полна, он протянул её мне.

— Поешь и попей. И если будет холодно... просто прижмись ко мне.

Я чуть не выронила флягу. Кровь ударила мне в лицо, щёки пылают. Кто я такая, чтобы удостоиться такой... чести? Близости?

Он, кажется, не заметил моего смущения или сделал вид. Его тон был чисто практическим.

— В целях выживания, конечно, — добавил он, как будто читая мои мысли. — Пока я в сознании, я могу контролировать температуру и влажность вокруг себя. Но когда усну... магия отключится. Тебе станет холодно. Огонь разжечь можем, но дым и свет могут привлечь неожиданных гостей. Поэтому лучше прижаться к источнику тепла. Ко мне. Это эффективно и безопасно.

Он говорил об этом так, будто объяснял устройство механизма. Без тени смущения. Как о логичном, единственно

разумном решении.

Я могла только кивать, сжимая в руках сосуд с водой. Он сел на подстилку, прислонился спиной к стене, снял латные перчатки. Его движения стали замедленными, тяжелыми.

— Ешь, — приказал он, указывая на мешки. — И не шути.

Он закрыл глаза. Его дыхание почти сразу стало глубоким и ровным. Но это был не обычный сон. Его лицо полностью расслабилось, став почти безжизненным. Он не шелохнулся. Я осторожно коснулась его руки, кожа была прохладной, но не ледяной. Он действительно уснул.

Я сидела рядом, прислушиваясь к звукам леса снаружи и к его тихому дыханию. Съела крошечный кусочек хлеба и сала, сделала глоток воды, она была удивительно чистой и свежей, будто только что из родника.

Темнело. Холод, которого раньше не было, начал просачиваться в пещеру, пробираясь сквозь плащ. Я закуталась в него плотнее, но дрожь все равно начинала пробегать по спине.

Он сказал, что я могу прижаться к нему если замерзну.

Я посмотрела на его неподвижную фигуру. На этого могущественного, жестокого, непредсказуемого человека, который вернулся за мной и теперь спал так беззащитно. Принц. Я бы ни за что...

Но холод был реальным. А его тело... источником тепла.

Собрав всю свою смелость, я легла рядом с ним на под-

стилку, спиной к стене, лицом к его плечу. Потом, затаив дыхание, осторожно придвинулась ближе, пока мой бок не коснулся через тонкую ткань его рубашки и складки плаща. Тепло. Исходившее от него тепло было тусклым, но ощутимым. Живым.

Я лежала, не смея пошевелиться, слушая биение собственного сердца и его ровное дыхание. Его близость была одновременно пугающей и... успокаивающей. В холодной пещере, в кромешной тьме надвигающейся ночи, он был единственной точкой тепла и реальности.

И я поняла, что охраняю не только его сон. В эти часы я, ничтожная поломойка, охраняю самого принца Королевства Лоска. И от этого осознания внутри стало и страшно, и... тепло.

Визуал к главе:

Глава 16

Прах

Пока он спал, у меня было время подумать. Вода. Конечно же, его стихия вода. Теперь всё вставало на свои места. В его покоях тёплая ванна, набранная без помощи слуг. В карете равномерное, неестественное тепло, несмотря на мороз за окном. И даже сейчас, пока он бодрствовал, в пещере не было сырости, воздух казался сухим и согретым. Это был он. Его сила, тихая и постоянная, как подземный источник.

И я поняла кое-что ещё. За всё это безумное время, что я рядом с ним, он ни разу не причинил мне зла напрямую. Напротив. Он позаботился о Лоре, прежде чем уехать, по крайней мере я хочу в это верить. Он не бросил меня умирать в карете, вернулся, дал свой плащ, велел следовать за собой. Он кормил меня, пусть и скудно, напоил волшебной водой, дал укрытие. Даже сейчас, в своём беспомощном сне, он был... спокоен. И его спокойствие передавалось мне.

Я думала, что он будет отличным королем. Если он так заботится о простолюдинке вроде меня, пусть даже из практических соображений, то что он сможет сделать для целого королевства? Его вода оросит поля, напоит людей. Он будет справедливым. Он должен быть.

Я лежала, прижавшись к нему боком, и слушала тишину леса и его дыхание. А ещё, его сердце. Оно билось под

тонкой рубашкой ровно. Мне вдруг страшно захотелось убедиться, что это не сон. Я осторожно, еле-еле, протянула палец и коснулась его груди, чуть ниже ключицы. Через ткань я почувствовала ритмичные, живые толчки. Такое спокойствие разлилось по моей собственной дрожащей душе, какого я не чувствовала никогда. Даже с Лорой, всегда был фон тревоги за завтрашний день, за удары, за еду. Сейчас, в этой пещере с принцем-незнакомцем, мне было... безопасно. Я закрыла глаза, собираясь последовать его примеру.

И тут послышались шаги. Тяжелые, неуверенные, хрустящие по снегу снаружи.

Я замерла, глаза распахнулись в темноте.

Шаги приблизились, остановились у входа. Послышалось шумное сопение, бормотание.

И в пещеру ворвался огромный мужчина. Он заполнил собой весь проем, заслонив бледный свет луны. Я почувствовала запах спиртного и немытого тела. Его глаза, маленькие и свиные, метнулись по нашему убогому лагерю.

— Это кто тут занял мое место? — Прохрипел он, голос был сиплым и недобрым.

Паника, острыми когтями, впилась мне в горло. Я прижалась к стене, к неподвижному принцу, пытаясь сделать себя меньше.

— Простите, — прошептала я, голос дрожал. — Мы шли мимо и очень устали. Нам нужно было отдохнуть. Мы уйдем, как только...

— Он мертвый? — Перебил меня мужчина, ткнув в сторону принца толстой палкой, которую держал в руке. Палка стукнула о латный нагрудник с глухим звуком. Принц не пошевелился.

— Нет! Он... он спит. Глубоко спит, — залепетала я.

Мужчина усмехнулся, оскалив гнилые зубы. Его взгляд скользнул по мне, по моему лицу, по шелковому платью, выглядывавшему из-под плаща, по остаткам припасов.

— Блудная парочка, — пробормотал он с презрительным интересом. — Знатные черти, заблудились в лесу. — Он плюнул на каменный пол. — Мне ничего не стоит прибить вас прямо здесь. Никто и не узнает.

Он сделал шаг внутрь, и пещера стала ещё теснее. Его глаза впились в меня с неприкрытой похотливостью. Весь его интерес к «мертвому» спутнику испарился. Его внимание было теперь всецело приковано ко мне.

— А ты, цыпочка, ничего собой... хоть и бледная. Шелка на тебе... знатные шелка.

Он наклонился, протягивая грязную, волосатую руку, чтобы коснуться моего лица. Я отпрянула, ударившись затылком о стену. Он засмеялся, низко, похабно.

— Не бойся, обласкаю... Твой кавалер не встанет, я погляжу. У меня тут укромное местечко, а ты, выходит, сама ко мне в гости пожаловала...

Он был уже совсем близко. Его дыхание, зловонное и горячее, обдало моё лицо. Его огромная тень накрыла меня.

Принц лежал как изваяние, его сон был непробиваем. Никто не придет на помощь. Никто.

Я метнула взгляд вокруг в последней, отчаянной надежде. И увидела её. Прямо рядом с моей ногой, почти под краем подстилки, торчала рукоять. Кинжал. Короткий, простой, стражничий кинжал, который принц, должно быть, взял с одного из тел и сунул в мешок с припасами. Когда мы разворачивали подстилку, он, видимо, выпал и закатился сюда.

Мужчина уже нависал надо мной, одной рукой хватая меня за плечо, другой начиная стаскивать с меня плащ. Его вес прижимал меня к полу. Я почувствовала омерзительное касание его губ где-то у виска. В ушах зазвенело от ужаса и отчаяния.

И тогда я ощутила несвойственный для меня прилив храбрости и отчаяния.

Моя рука, зажата между его телом и моим, судорожно дернулась. Пальцы нащупали холодную костяную рукоять. Сжали её.

Я не думала. Я даже не видела ясно. Только чувствовала его мерзкий вес, его запах, его дыхание. И всю свою жизнь унижений, страха, боли.

Я вонзила кинжал ему в шею. Изо всех сил. Резко, вбок, туда, где под кожей бился пульс.

Раздался хриплый, удивленный звук. Не крик. Скорее, булькающий выдох. Его хватка ослабла. Он отстранился, глаза выкатились от непонимания. Он попытался схватиться за

шею, где из раны хлестала тёмная, горячая струя, заливая мне руки, лицо, платье. Потом он рухнул на меня всем своим огромным, внезапно тяжелым телом.

Я лежала под ним, не в силах пошевелиться, не в силах даже вскрикнуть. Я чувствовала его последние конвульсии, слышала, как клокочет что-то у него в горле. Потом наступила тишина. Тяжелая, давящая тишина, нарушаемая только моим собственным прерывистым, истеричным всхлипыванием.

Ужас, отвращение и паника смешались во мне в один клубок. Я попыталась вытолкнуть его с себя, но он был невероятно тяжелым. Его вес придавливал меня к полу. Я билась, задыхалась, но сдвинуть его не могла. Плач перешел в беззвучные рыдания. Я лежала под теплеющим трупом, в луже его и своей крови, и смотрела в темноту пещеры, где неподвижной статуей лежал принц.

Так прошел час. Может, больше. Время потеряло смысл. Я перестала бороться, перестала плакать. Просто лежала. Чувствовала, как холод от камня просачивается сквозь одежду, как кровь на моей коже липнет и застывает.

И вот его палец дрогнул. Потом другой. Он сделал глубокий, шумный вдох, будто вынырнув из очень глубокой воды. Его веки медленно поднялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.